Для рецензии

Михайловский ...

7

Профессоръ М. С. Корелинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ЧТЕНІЯ ПО КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ.

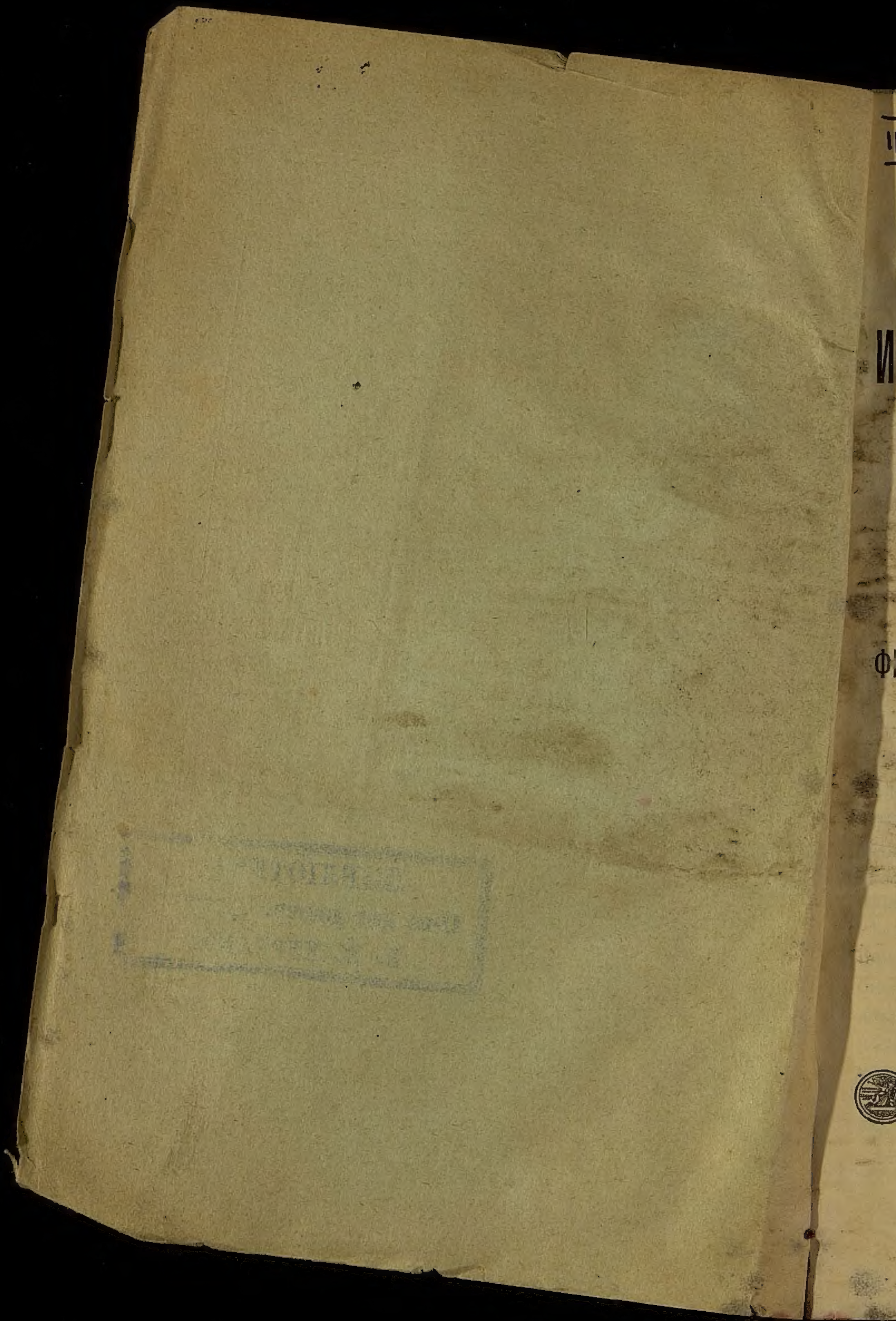
Выпускъ III.

ФИНИКІЙСКІЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ и ИХЪ КУЛЬТУРА.

Рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ средних учебныхъ заведеній.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

II-36837р. Б. М. I 8. 33
Резерв
№ 2

Профессоръ М. С. Корелинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ЧТЕНІЯ
по
КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ.

Выпускъ III.

ФИНИКІЙСКІЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ и ИХЪ КУЛЬТУРА.

Съ 26 рисунками въ текстѣ.

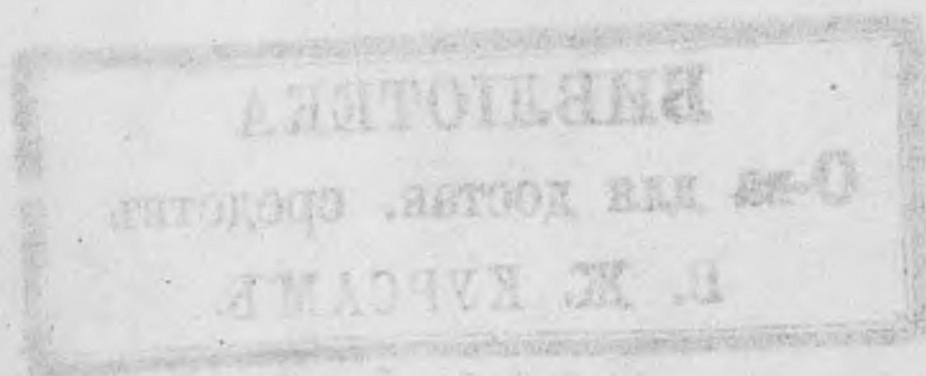
ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

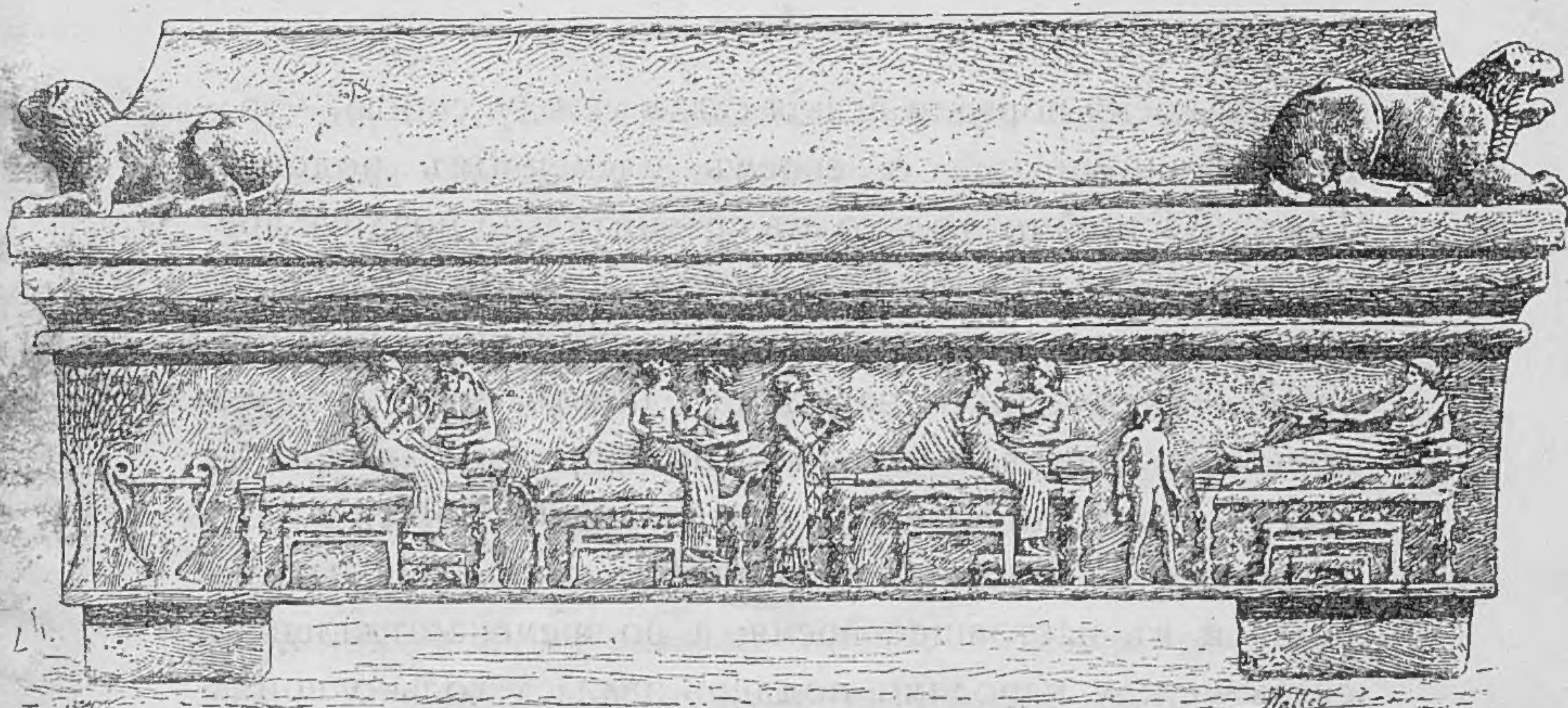
БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.
2928/ЗМ

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 4 августа 1895 года.

Финикійскій саркофагъ греческаго образца.

I.

Особенности народовъ семитической расы. — Отчего зависитъ характеръ каждаго народа и его культуры? — Сирійскіе семиты. — Природа Финикіи и ея вліяніе на населеніе.

Великая семитическая раса, старшая сестра и учительница арійскихъ народовъ, за много вѣковъ до начала какихъ-либо историческихъ свѣдѣній распалась на многочисленныя народности. Гдѣ была общая прародина семитовъ, въ точности неизвѣстно. По всей вѣроятности она находилась въ горной Арменіи, въ тѣхъ мѣстахъ, откуда берутъ начало Тигръ и Евфратъ. По крайней мѣрѣ, оттуда выводятъ семитовъ библейскія сказанія и съ ихъ свидѣтельствомъ совпадаютъ результаты ученыхъ изысканій новѣйшихъ изслѣдователей. Покинувши прародину, семиты направились отчасти на западъ, а главнымъ образомъ на югъ, и заняли Месопотамію, Аравію, Сирію, Палестину и Египетъ. Разойдясь въ разныя стороны, они на

долгое время порвали всякія связи между собою, утратили воспоминаніе о своемъ племенномъ родствѣ. Такъ, Ассирійцы только въ сравнительно позднее время познакомились съ Египтянами, которыхъ Евреи не считали даже своими единоплеменниками. Такое забвеніе семитическими народами единства своего происхожденія зависѣло отъ многихъ причинъ и прежде всего отъ трудности международныхъ сношеній. Путешествіе по Востоку представляетъ большія затрудненія и въ настоящее время; а во времена отдаленныя связь между народами поддерживалась только войнами да торговыми караванами, изрѣдка проходившими по опаснымъ дорогамъ. Но далекіе военные походы стали возможны только тогда, когда сложились могущественныя государства съ прочнымъ политическимъ устройствомъ, а для обширныхъ коммерческихъ операцій необходима сравнительно высокая степень культурнаго развитія. Поэтому различные семитическіе народы вновь встрѣтились между собою только по прошествіи многихъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ каждый изъ нихъ жилъ и развивался совершенно самостоятельно. Совершенно понятно, что они иногда совсѣмъ не узнавали другъ друга, такъ какъ у каждаго изъ нихъ въ различномъ направленіи развивался общій языкъ, сложились различные нравы и обычаи и выработалась своеобразная культура. Такъ, въ равнинахъ Месопотаміи образовалась могучая военная монархія, которая ставила своею задачей оружіемъ подчинить себѣ весь міръ; въ Нильской долинѣ сложилась обширная теократія, у которой на первомъ планѣ стояли религіозныя задачи; на восточномъ берегу Средиземнаго моря семиты создали рядъ купеческихъ госу-

дарствъ, которыя стремились сдѣлать весь міръ рынкомъ для сбыта своихъ товаровъ. Во главѣ общества стоялъ въ Ассиро-Вавилоніи солдатъ, въ Египтѣ—жрецъ, въ Финикіи—купецъ. Причины такого различія культуры единоплеменныхъ народовъ заключаются прежде всего въ томъ, что всѣ они въ мѣстахъ своихъ новыхъ поселеній застали обитателей различнаго происхожденія, съ которыми они смѣшивались путемъ брачныхъ союзовъ. Такимъ образомъ на семитовъ Нильской долины оказали вліяніе туземцы африканскаго племени; семитическіе пришельцы въ Месопотаміи подверглись сильному вліянію со стороны туранцевъ, ранѣе поселившихся въ этихъ мѣстахъ. Кромѣ того, географическія условія, среди которыхъ пришлось развиваться семитамъ, въ различныхъ мѣстахъ ихъ поселеній были неодинаковы, что прямо и косвенно оказывало огромное вліяніе на всю исторію многочисленныхъ вѣтвей семитической расы. Особенно наглядно обнаружилось это вліяніе на національномъ характерѣ и культурѣ финикійцевъ.

Вопросъ о вліяніи природы на исторію принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ въ исторической наукѣ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что географическія условія, среди которыхъ живетъ извѣстный народъ, оказываютъ огромное вліяніе на его характеръ и развитіе. Морское могущество Англіи было бы немыслимо при иномъ географическомъ положеніи этой страны; древній грекъ не создалъ бы своего великаго искусства, если бы ему пришлось жить гдѣ-нибудь въ Лапландіи и т. д. Но новые греки живутъ на мѣстѣ античныхъ эллиновъ, и тѣмъ не менѣе среди нихъ нѣтъ ни Фидія, ни Софокла, а ве-

личайшіе художники новаго времени—Рафаэль, Микель-Анджело, Леонардо да Винчи жили и дѣйствовали въ Италіи, населеніе которой въ древности не создало ни одного крупнаго памятника искусства. Очевидно, что характеръ и культура народа зависитъ не только отъ физическихъ свойствъ его страны, но также и отъ его племенныхъ особенностей: въ жилахъ новыхъ грековъ течетъ много славянской крови, отчасти потому они такъ мало похожи на древнихъ эллиновъ, а предками современныхъ итальянцевъ были въ значительной степени германскіе народы, что составляетъ одну изъ причинъ ихъ отличія отъ древнихъ римлянъ. Наконецъ, на характеръ народа и его культуру оказываетъ вліяніе и его историческія судьбы, т.-е. общественный и политическій строй, который онъ выработалъ, религія, которая его воспитала, а также его отношенія къ другимъ народамъ. Такъ, наприм., древній грекъ въ эпоху процвѣтанія Эллады, гордый своею національною независимостью и гражданскою свободой, смѣлый воинъ, глубокій и тонкій мыслитель, великій художникъ, рѣзко отличался отъ своего потомка временъ римскаго владычества, трусливаго и льстиваго раба, изобрѣтательнаго только на пороки. Такимъ образомъ на характеръ и культуру каждаго народа вліяютъ три фактора: раса, природа и исторія. Посмотримъ, какъ отразились всѣ эти вліянія на финикійцахъ.

Тысячи за три лѣтъ до Рождества Христова, когда въ Месопотаміи и въ Нильской долинѣ сложились уже обширныя государства, откуда-то съ юга, по всей вѣроятности, съ береговъ Персидскаго залива двинулась на сѣверъ огромная масса семитическихъ племенъ

и широкою волной разлилась по Сиріи. Вѣроятно, одна волна этого народнаго движенія направилась дальше, проникла въ Нильскую долину и подъ именемъ гиксовъ завоевала Египетъ, но большинство пришельцевъ осталось въ Сиріи, подчинило себѣ туземцевъ или смѣшалось съ ними и распалось на двѣ крупныхъ народности: арамеевъ—на сѣверо-востокѣ Сиріи и хананеевъ, занявшихъ страну къ западу отъ Іордана и все восточное побережье Средиземнаго моря. Кто были покоренные семитами туземцы въ этихъ странахъ — неизвѣстно. О нихъ сохранились только темныя сказанія въ Библіи, и евреи, которые называли ихъ то сынами Енаковыми, то Рефаимами, то давали имъ другія названія, считали ихъ исполинами. «Мы были въ глазахъ нашихъ, какъ саранча, передъ ними», говорится въ Библіи. Нѣтъ также никакихъ свѣдѣній и о томъ, какое вліяніе оказали эти гиганты на пришельцевъ, научили ли они чему-нибудь семитовъ или сами заимствовали семитическую культуру. Какъ бы то ни было, историческія судьбы пришельцевъ были совершенно различны. Среди арамейскихъ народностей, какой-то иноплеменный народъ, хетиты, образовалъ, правда на короткое время, могучее государство, велъ упорную борьбу съ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ завоевателей древности съ Рамзесомъ II, и эта борьба нашла своего Гомера въ Египтѣ, составивши содержаніе такъ называемой поэмы Пентаура. Большая часть хананеевъ распалась на мелкія пастушескія племена, которыя потомъ были подчинены отчасти евреями, отчасти филистимлянами. Только одна небольшая народность, занявшая сѣверную часть восточнаго побережья Средиземнаго моря, пріобрѣла

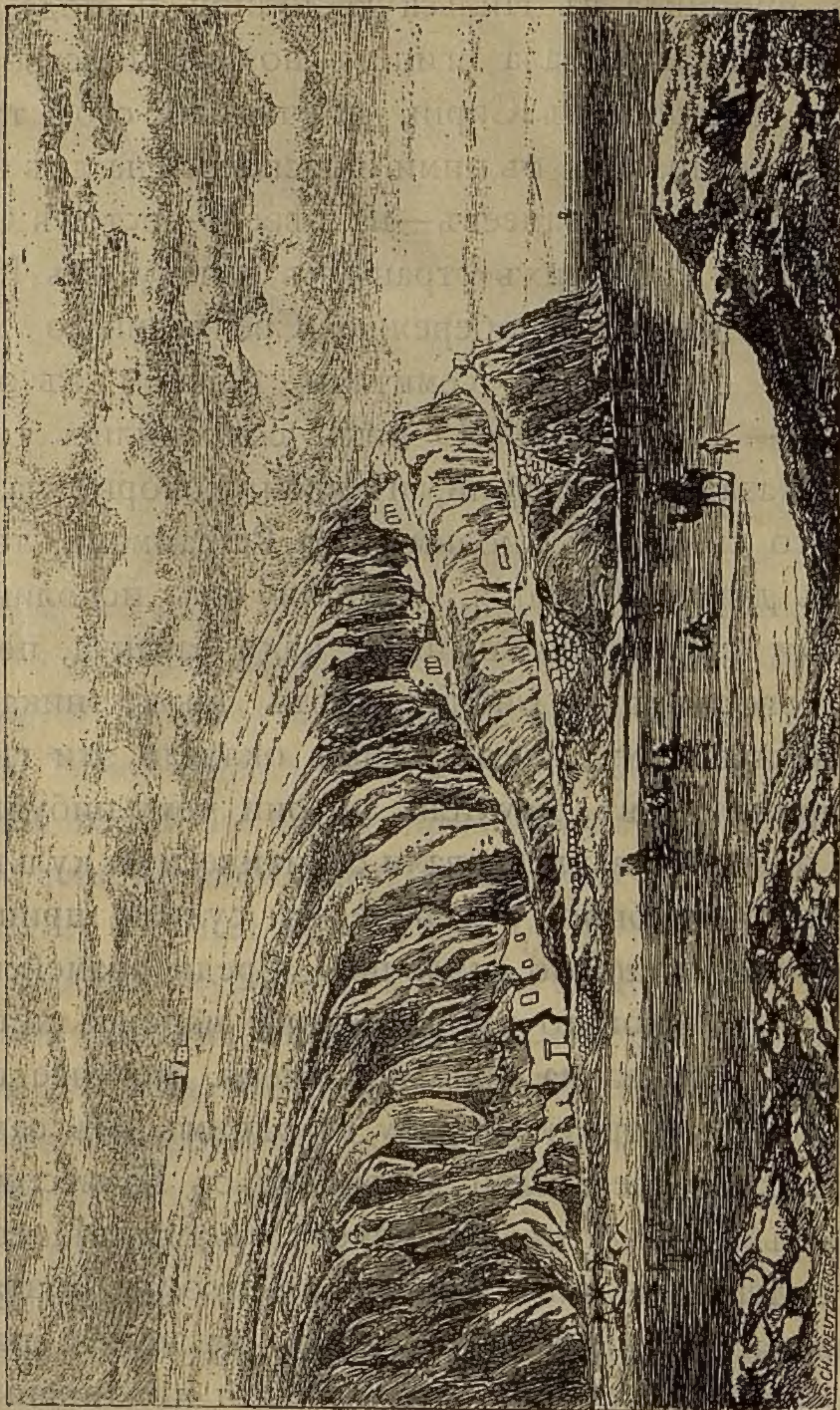

Рис. 1. Финикійское побережье.

всемірно-историческое значеніе. Этотъ народъ, который называлъ себя kenai, т.-е. хананеи и который у грековъ назывался финикійцами, а у римлянъ пунами, получилъ въ древнемъ мірѣ громкую извѣстность.

Въ Финикіи не было территоріи, говоритъ одинъ изъ новыхъ путешественниковъ; страну составляли рядъ гаваней, соединенныхъ между собою узкими горными дорогами. Дѣйствительно, въ сѣверной части восточнаго побережья Средиземнаго моря, гдѣ лежала Финикія, Ливанскія горы, по большей части, подходятъ къ самому берегу (Рис. 1), а тамъ, гдѣ горы пересѣкаются ущельемъ или гдѣ онѣ отступаютъ въ глубь страны, море врѣзывается въ сушу и образуетъ бухты и заливы. Сюда-то и забросила судьба одну вѣтвь семитическаго племени, бродившаго по Сиріи. Что было дѣлать и какъ добывать себѣ пропитаніе поселившемуся здѣсь бродячему народу? Привычная пастушеская жизнь была здѣсь невозможна, такъ какъ для стадъ необходимы степныя равнины. На горныхъ склонахъ и кое-гдѣ въ долинахъ можно было заниматься земледѣліемъ; но переходъ отъ скотоводства къ обработкѣ земли и на равнинахъ былъ довольно труденъ для первобытныхъ народовъ, а хлѣбопашество въ горной мѣстности представляло особенныя затрудненія, совершенно непреодолимыя для полудикаго семита. Необходимость заставляла обратиться къ морскимъ промысламъ, сначала къ самому простому изъ нихъ, къ рыболовству, и финикіецъ сдѣлался рыбакомъ. Одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ впослѣдствіи финикійскихъ городовъ, Сидонъ (Рис. 2) обладалъ второстепенною гаванью и первоначально былъ просто рыболовною стоянкой, какъ это видно также

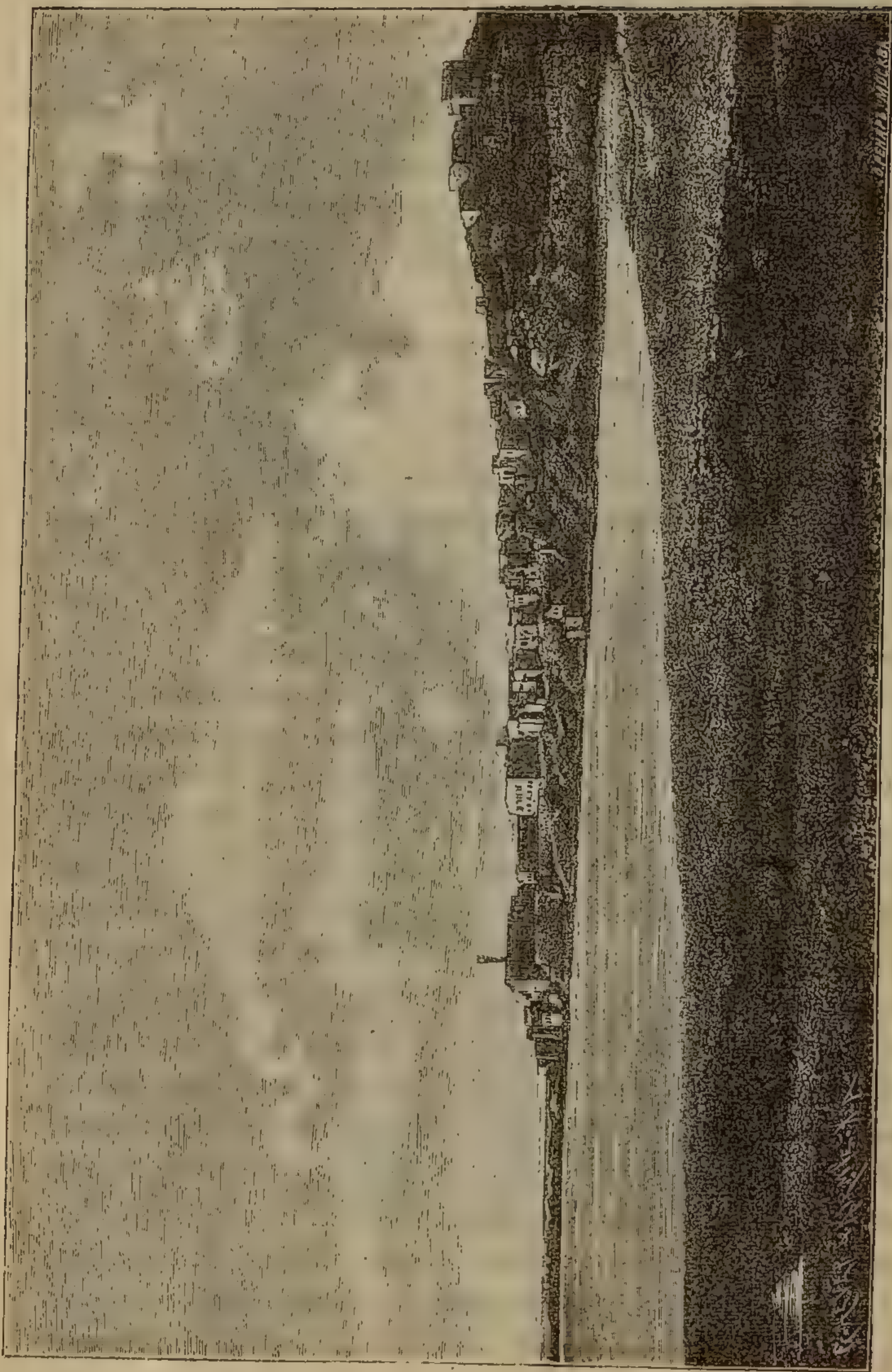

Рис. 2. Городъ Сидонъ.

изъ названія города, которое значитъ «рыбная ловля». Другимъ основаніемъ при выборѣ мѣста для первыхъ поселеній служила недоступность мѣстности для вражескаго нападенія, такъ какъ названіе одного изъ древнѣйшихъ городовъ «Арадъ» обозначаетъ убѣжище. Но море не только прокармливало финикійца и горы не только защищали его отъ враговъ; природа давала пришлому семиту весьма своеобразное воспитаніе. Другіе единоплеменники финикійцевъ заняли болѣе плодородныя страны, но зато имъ приходилось жить въ жаркомъ климатѣ, разслабляющемъ человѣка, отнимающемъ у него всякую энергію. Понадобилась цѣлая масса искусственныхъ сооруженій — каналовъ, резервуаровъ и т. п., чтобы нѣсколько устранить губительное вліяніе отвѣсныхъ лучей южнаго солнца на природу и на человѣка. Но несмотря на это ни одинъ семитическій народъ не отличался такою смѣлою и энергичною предпріимчивостью, какъ финикійцы, и этому не мало содѣйствовала природа занятой ими страны. Благодаря вліянію отчасти моря, отчасти горъ, въ Финикіи не было такого разслабляющаго зноя, какъ въ Вавилоніи, не было такого удручающаго однообразія, какъ въ Египтѣ и въ Месопотаміи. Про Ливанъ еще въ древности говорили, что когда у его подножія лѣто, то на срединѣ—осень, на плечахъ—весна, на вершинѣ—зима, и финикіецъ на своей родинѣ подвергался вліянію разныхъ климатовъ, знакомился съ флорой и фауной разныхъ географическихъ поясовъ, а въ то же время постоянныя опасности рыболовнаго промысла пріучали его къ морю, къ морскимъ бурямъ и непогодамъ. Онъ смѣло пускался въ далекое плаваніе и, попавши въ чужую страну, быстро

освоивался съ ея особенностями. Горы и море воспитали въ финикійцѣ энергичнаго мореплавателя, предпріимчиваго купца и выносливаго колониста.

II.

Характеръ финикійской торговли. — Сухопутная и морская торговля финикійцевъ. — Репутація финикійскихъ мореплавателей въ древнемъ мірѣ. — Разсказъ Эвмея.

Превращеніе рыбака въ мореплавателя, т.-е. въ раз-

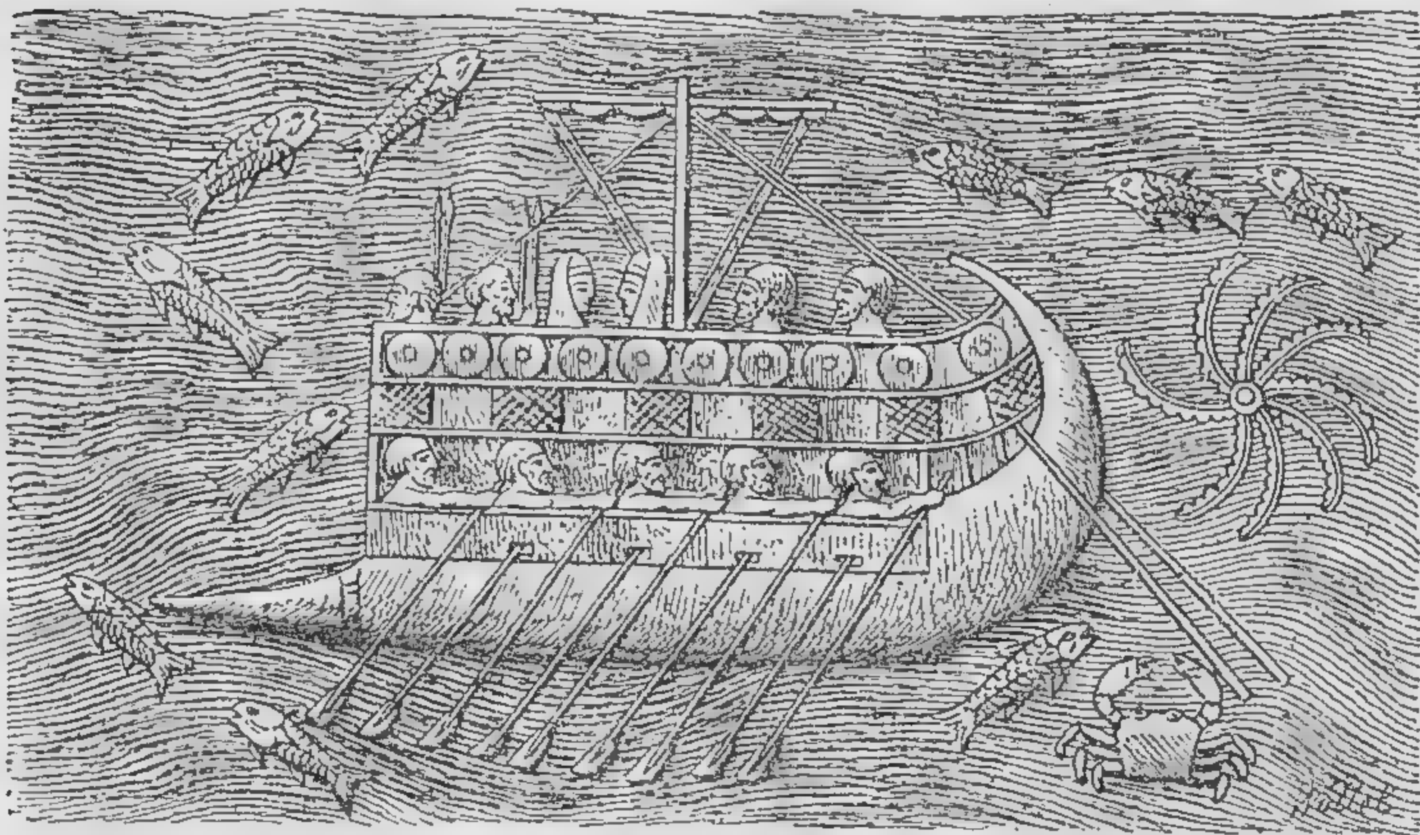

Рис. 3. Корабль финикійскаго флота.

бойника и купца произошло подъ вліяніемъ культуры. Когда по сосѣдству на островахъ и на побережьѣ Средиземнаго моря появились населенные пункты, смѣлые рыболовы стали строить суда болѣе обширныхъ размѣровъ, чѣмъ рыбачьи лодки (Рис. 3 и 4), и начали пускаться въ болѣе отдаленное плаванье, чтобы

пограбить побережныхъ жителей. Но голый грабежъ всегда сопряженъ былъ съ опасностями, а часто представлялъ менѣе выгодъ, чѣмъ торговля, и финикійскій пиратъ, не оставляя разбоя, сдѣлался купцомъ. Географическое положеніе Финикіи было чрезвычайно удобно для торговыхъ сношеній. На древнемъ Востокѣ существовало три наиболѣе крупныхъ производительныхъ пункта: Египетъ, Вавилонія и южная Ара-

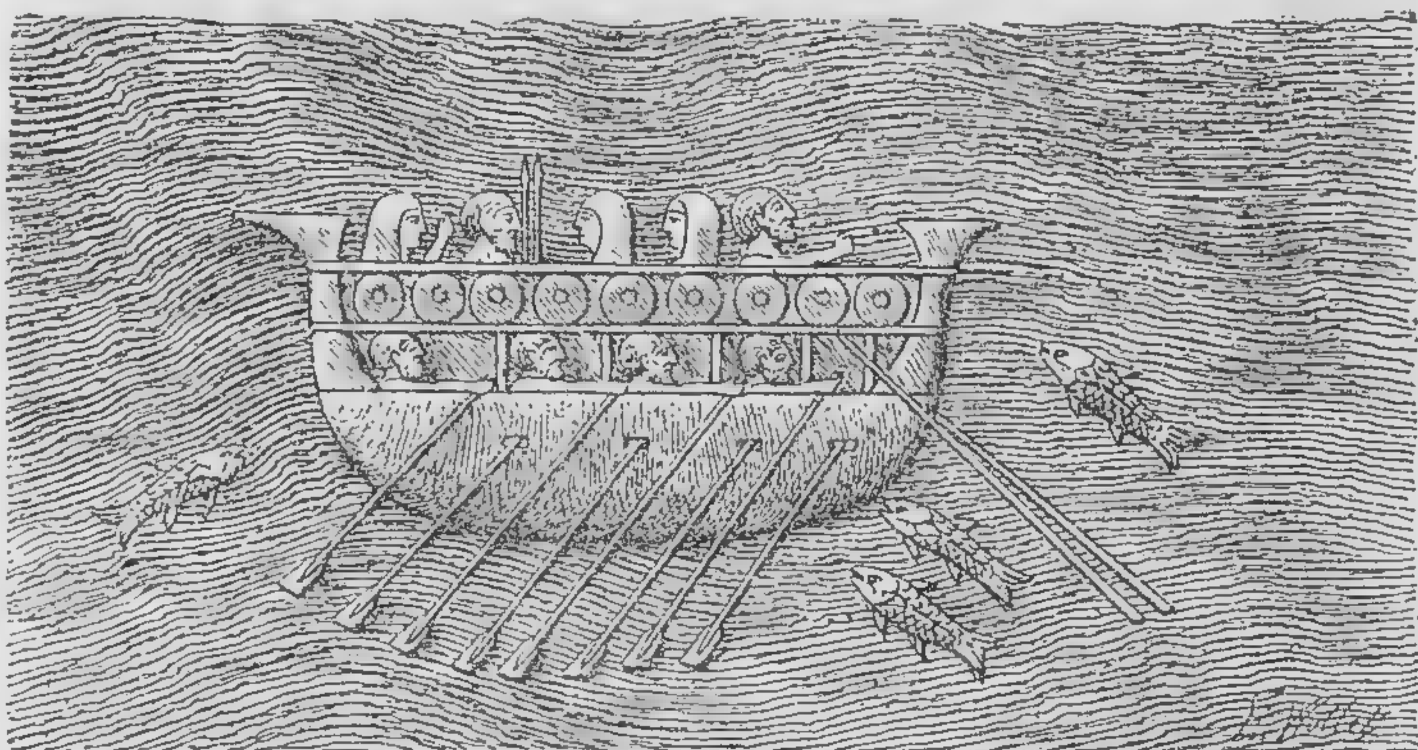

Рис. 4. Корабль финикійскаго флота.

вія, и главными, а иногда единственными посредниками между ними сдѣлались финикійцы. Отличительной чертой восточныхъ народовъ всегда была неподвижность, и только война могла расшевелить ассирійца и египтянина и вызвать его за предѣлы родины, а торгово-промышленная предпріимчивость была совершенно чужда обоимъ народамъ. Правда, въ Вавилоніи и въ Египтѣ промышленность стояла на довольно высокой ступени развитія; но жители Месопотаміи и Нильской долины дома продавали свои товары, дома

ожидали покупателей: путешествія для расширенія торговыхъ операцій и открытія новыхъ рынковъ не соотвѣтствовали ихъ вкусамъ, а для египтянина море—самая безопасная и дешевая дорога, всегда оставалось враждебной стихіей. Поэтому финикійцы захватили въ свои руки торговыя сношенія между восточными народами, сдѣлались поставщиками всего того, въ чемъ нуждались ихъ сосѣди и единоплеменники. Они не только промѣнивали египетскую пшеницу на ткани и бронзу въ Вавилоніи, но доставляли всему Востоку все, въ чемъ онъ нуждался: ѳиміамъ для культа, невольницъ для гарема, масло, вино и пряности для стола, ткани для платья, янтарь и ювелирныя издѣлія для украшеній, разное сырье—пурпуръ, металлы, шерсть для фабрикъ, ословъ и рабовъ для земледѣлія. Чтобы удовлетворить такому обширному спросу, нужно было ѣздить за товарами въ далекія страны, а это требовало необыкновенной предпріимчивости и чрезвычайной смѣлости. Путешествіе и въ своей странѣ было тогда опасно, а чужеземецъ всюду считался врагомъ, и мѣстные законы его нигдѣ не защищали. Тѣмъ не менѣе финикійскіе караваны двигались отъ Египта до Кавказа, даже есть извѣстіе, что финикійскіе купцы ѣздили за шелкомъ въ Бухару, проникали въ Тибетъ, куда такъ труденъ доступъ и для современнаго путешественника. Но сухопутная торговля не составляла главнаго и наиболѣе любимаго занятія финикійца: на сушѣ онъ не чувствовалъ себя достаточно безопаснымъ отъ грабежа и разбоя. Его родной стихіей было море, здѣсь долгое время онъ не зналъ соперниковъ, здѣсь онъ былъ полнымъ господиномъ и не только не боялся разбой-

никовъ, но и самъ пополнялъ торговый барышъ выгоднымъ грабежомъ, если это можно было сдѣлать безъ всякой опасности. Поэтому морская торговля финикійцевъ захватывала чрезвычайно обширный районъ: ихъ прочныя суда не только плавали по всему обширному бассейну Средиземнаго моря отъ черноморскихъ береговъ до Испаніи, но выходили за Гибралтарскій проливъ, посѣщали западные берега Африки, можетъ быть, доходили до Британіи, а у грековъ было преданіе, что финикійскіе мореплаватели объѣхали всю Африку, обогнувши ея южные берега. Торговая предпріимчивость финикійцевъ не знала никакихъ преградъ, не боялась никакихъ опасностей.

Но финикіецъ былъ не только смѣлымъ мореплавателемъ, но и ловкимъ, находчивымъ купцомъ, который умѣлъ дешево купить и дорого продать свой товаръ, умѣлъ приспособиться ко вкусамъ покупателя, приладиться къ его обычаямъ, былъ, наконецъ, великимъ мастеромъ украсть и обмануть. Отецъ исторіи Геродотъ разсказываетъ, какъ вели торговлю съ африканскими дикарями переселенцы изъ Финикіи, карѳагеняне. «Приходя (на западный берегъ Африки) для торговли, говоритъ онъ, карѳагеняне выгружаютъ свои товары изъ кораблей, раскладываютъ ихъ рядомъ на морскомъ берегу, потомъ возвращаются на свои суда и разводятъ огонь. Замѣтивши дымъ, туземцы подходятъ къ морю, за товары оставляютъ золото и удаляются обратно. Карѳагеняне выходятъ на сушу и разсматриваютъ, достаточно ли оставлено золота за товары, если достаточно, то золото они забираютъ и отплываютъ; если же недостаточно, то снова выходятъ на корабли и тамъ выжидаютъ; туземцы опять

появляются, прибавляютъ золота столько, чтобы удовлетворить продавцевъ. По словамъ карѳагенянъ, никогда одна сторона не обижаетъ другой: карѳагеняне никогда не прикасаются къ золоту, прежде чѣмъ по стоимости оно не будетъ равняться товару; равнымъ образомъ туземцы уносятъ съ собою товары только тогда, когда золото взято карѳагенянами». Въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія не вѣрить финикійскимъ торговцамъ: сохраненіе добросовѣстности было необходимо для того, чтобы привлечь выгоднаго покупателя. Разъ обманутый, дикарь болѣе не понесъ бы своего золота на морской берегъ въ обмѣнъ на финикійскіе товары, и хорошій рынокъ для сбыта былъ бы потерянъ навсегда. Но честность далеко не была обычной принадлежностью финикійской торговли, и греки называли финикійскихъ купцовъ «хитрыми» (πολυπαίπαλοι), «коварными» (ἀπατήλια εἰδότες), «обманщиками» (τρῶκται) и т. п.

Прибылъ въ Египетъ тогда финикіецъ, обманщикъ коварный,
Злой кознодѣй, отъ котораго много людей пострадало,

говоритъ хитроумный Одиссей, много видѣвшій во время своихъ странствованій, и такая характеристика находитъ фактическое подтвержденіе въ греческихъ преданіяхъ. Такъ, Геродотъ начинаетъ свою исторію живою картиной финикійскихъ торговыхъ пріемовъ. Финикійскій корабль прибылъ въ Аргосъ и въ теченіе пяти дней распродалъ весь свой грузъ. «На пятый или на шестой день, разсказываетъ Геродотъ, когда почти все было продано, пришла на морской берегъ въ числѣ другихъ женщинъ дочь тамошняго царя Инаха, по имени Іо. Расположившись у кормы, жен-

щины покупали тѣ изъ товаровъ, какіе наиболѣе нравились каждой изъ нихъ. Тогда финикіяне, согласившись между собой, кинулись на женщинъ; большая часть ихъ спаслась бѣгствомъ, но Іо вмѣстѣ съ нѣсколькими другими была захвачена финикіянами. Бросивши женщинъ на корабль, они отплыли въ Египетъ». Такимъ образомъ, ловкій купецъ, распродавши товаръ, заполучилъ не только плату, но и покупательницъ, которыхъ онъ превратитъ въ товаръ и съ выгодой продастъ на восточныхъ рынкахъ. Царская дочь, упоминаемая Геродотомъ,—миѳологическая фигура; но способъ ея похищенія — живая картина съ подлинной дѣйствительности.

Еще болѣе ясное представленіе о пріемахъ финикійскихъ купцовъ даетъ приведенный въ Одиссеѣ разсказъ Эвмея о своей судьбѣ. Одиссеевъ рабъ Эвмей, «свинопасъ богоравный» былъ сынъ царя острова Сиры, лежащаго на Эгейскомъ морѣ. Этотъ островъ представлялъ собою цвѣтущій уголокъ и его жители благоденствовали во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ не обильно людьми населенъ, но удобенъ для жизни,
Тученъ, приволенъ стадамъ, виноградомъ богатъ и пшеницей:
Тамъ никогда не бываетъ губящаго голода; люди
Тамъ никакой не страшатся заразы.

Географическое положеніе острова и его естественныя богатства не могли не привлечь финикійцевъ, и дѣйствительно въ Сиру

Прибыли хитрые гости морей, финикійскіе люди;
Мелочи всякой привезли въ своемъ караблѣ чернобокомъ.

Изворотливые купцы не ограничились торговлей и доставляемымъ ею барышомъ; они постарались завязать такія отношенія, которыя могли еще увеличить ихъ выгоды.

Въ домѣ-жъ отцовомъ, разсказываетъ Эвмей, рабыня
жила финикійская, станомъ
Стройная, рѣдкой красы, въ рукодѣльяхъ искусная
женскихъ.
Душу ея обольстить удалось финикійцамъ коварнымъ:
Мыла она не вдали корабля ихъ бѣлье.

Одинъ изъ пріѣзжихъ быстро плѣнилъ свою единоплеменницу и сталъ убѣждать ее убѣжать отъ своего господина.

Будешь, конечно, ты рада въ отчизну свою возвратиться
Съ нами,

говорилъ ей землякъ:

Опять тамъ ты увидишь и мать, и отца въ ихъ блестящемъ
Домѣ: они же, мы вѣдаемъ, живы и славны богатствомъ.

Раба охотно согласилась на это предложеніе:

Любовь же всегда въ заблужденье
Женщинъ и самыхъ невинныхъ своимъ поведеніемъ
вводитъ,

замѣчаетъ Эвмей. Но финикіянка была достойной представительницей своего народа. Любовь не вполнѣ ее ослѣпила: она принимаетъ возможныя мѣры для своей безопасности и придумываетъ очень ловкую кражу весьма выгодную для своихъ будущихъ избавителей. Прежде всего она требуетъ отъ купцовъ клятвы:

Я бы на все согласилась охотно, когда-бъ, мореходцы,
Вы поклялися въ отчизну меня отвезти безъ обиды,

говоритъ она пріѣзжимъ. Требуемая клятва была дана безъ малѣйшихъ затрудненій. Тогда финикіянка излагаетъ свой проектъ бѣгства, тонко обдуманный и весьма выгодный для ея земляковъ.

Будемъ теперь осторожны; молчите; изъ васъ ни который
Слова ни молви со мной, гдѣ меня бы ему ни случилось
Встрѣтить, на улицѣ-ль, подлѣ колодца-ль, чтобъ кто господину,
Насъ подсмотрѣвъ, на меня не донесъ: раздраженный, меня онъ
Въ цѣпи велитъ заключить, да и вамъ приготовитъ погибель:
Скуйте-жъ языкъ свой; окончите торгъ поскорѣй, и когда вы
Въ путь изготовитесь, нужнымъ запасомъ корабль нагрузивши,
Въ домѣ царевомъ меня обо всемъ извѣстите немедля;
Золота, сколько мнѣ подъ руку тамъ попадется, возьму я;
Будетъ при томъ отъ меня вамъ еще и особый подарокъ:
Знать вы должны, что смотрю я за сыномъ царя малолѣтнимъ;
Мальчикъ смышленый; со мною гулять изъ дворца онъ вседневно
Ходитъ; я съ нимъ на корабль вашъ приду: за великую цѣну
Этотъ товаръ продадите вы людямъ иного языка.

Финикіянка хорошо понимаетъ своихъ соотечественниковъ. Несмотря на желаніе вернуться на родину, она проситъ ихъ не о немедленномъ отплытіи, а только о томъ, чтобы поторопиться съ окончаніемъ торговыхъ дѣлъ. Но финикійскіе купцы не торопятся:

2*

ради предложенной имъ выгодной операціи они не желаютъ отказаться и отъ обычнаго торговаго барыша. По словамъ Эвмея, они

> годъ цѣлый оставшись на островѣ нашемъ, прилежно
> Свой крутобокій корабль нагружали, торгуя товаромъ.

Когда, наконецъ, всѣ товары были распроданы и корабль былъ нагруженъ мѣстными произведеніями, финикійцы приступили къ осуществленію плана царской рабы и выполнили его съ необыкновенною ловкостью. Одинъ изъ нихъ отправился во дворецъ продавать дорогое ожерелье, сдѣланное изъ крупнаго янтаря, оправленнаго въ золото «съ чуднымъ искусствомъ».

> Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни
> Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило и цѣну
> Разную всѣ предлагали,

разсказываетъ Эвмей. Тѣмъ временемъ купецъ дѣлаетъ знакъ финикійской рабѣ, и она, пользуясь тѣмъ, что общее вниманіе было занято ожерельемъ, ловко выполняетъ свой планъ.

> Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
> Выйти она; проходя же палату, гдѣ множествомъ кубковъ
> Столъ былъ уставленъ для царскихъ вельможъ, приглашенныхъ къ обѣду
> (Были въ то время они на совѣтѣ въ собраньѣ народномъ),
> Три двоеручныхъ сосуда проворно она, ихъ подъ платьемъ
> Скрывъ, унесла; я за нею пошелъ, ничего не размысля.
> Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги

Пристани славной, поспѣшно идя, наконецъ, мы достигли;
Тамъ оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль финикійскій;
Всѣ собрались на корабль, и пошелъ онъ дорогою влажною,
Взявъ насъ, меня и ее.

По разсказу нельзя заключить, выполняли ли финикійцы клятвы, которыя давали они своимъ соучастникамъ по грабежу и кражамъ, такъ какъ Эвмееву няньку убило на кораблѣ молніей; плодами ея вѣроломства во всякомъ случаѣ воспользовались только купцы, которые завладѣли похищенными ею сосудами и продали мальчика отцу Одиссея Лаэрту. Такимъ образомъ царскій сынъ съ острова Сиры сдѣлался свинопасомъ на Итакѣ.

Какъ ни мало привлекателенъ нравственный образъ финикійскаго мореплавателя, который становился купцомъ только тогда, когда было не выгодно разбойничать, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что его характеръ очень содѣйствовалъ расширенію и оживленію восточной промышленности и торговли. Только неудержимая жажда къ наживѣ заставляла пускаться въ далекія и крайне опасныя экспедиціи на морѣ и на сушѣ и только необыкновенная пронырливость и изворотливость дѣлали возможнымъ вести торговлю съ дикарями и варварами въ Европѣ и въ Африкѣ съ одной стороны, съ азіатскими хищниками—съ другой. Но развивши въ себѣ эти свойства, финикіецъ сдѣлался купцомъ по преимуществу. Торговля стала для финикійцевъ главнымъ занятіемъ, привлекала къ себѣ всѣ силы страны, составляла ея жизненный нервъ, отодвигала на второй планъ всѣ другіе интересы. Со-

вершенно естественно, что она наложила свою печать на всѣ стороны финикійской жизни, какъ общественной, такъ и частной, дала своеобразный характеръ всей финикійской культурѣ.

III.

Слѣдствія финикійской торговли.—Ея вліяніе на политическій и общественный строй Финикіи. — Внѣшняя политика финикійцевъ.—Царская власть и сословная борьба въ Финикіи.

Первымъ слѣдствіемъ обширной и выгодной торговли было превращеніе рыбачьихъ стоянокъ въ богатые города и всего финикійскаго побережья въ колоссальный торговый домъ. На пространствѣ около 300 верстъ, составлявшихъ береговую линію Финикіи, тянулся длинный рядъ городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигли необыкновеннаго процвѣтанія. Таковы были сначала Сидонъ, а потомъ Тиръ (рис. 5). Въ Библіи Сидонъ называется первороднымъ сыномъ Ханаана, и финикійцы долгое время были извѣстны на Востокѣ и въ Греціи подъ именемъ Сидонянъ. Финикійскіе товары пользовались громкою извѣстностью во всемъ древнемъ мірѣ, и когда Гомеръ желаетъ похвалить какую-нибудь ткань или какое-нибудь металлическое издѣліе, онъ называетъ ихъ сидонскими. Позже Тиръ затмилъ своимъ богатствомъ всѣ города Финикіи, не исключая и Сидона. Пророкъ Іезекіиль, видѣвшій этотъ городъ, поэтически отождествляя его съ кораблемъ, живо изображаетъ его колоссальныя богатства. «Тиръ! восклицаетъ пророкъ: ты говоришь: «я совершенство красоты!» Предѣлы твои въ сердцѣ морей; строители твои усовершили красоту твою. Изъ сенир-

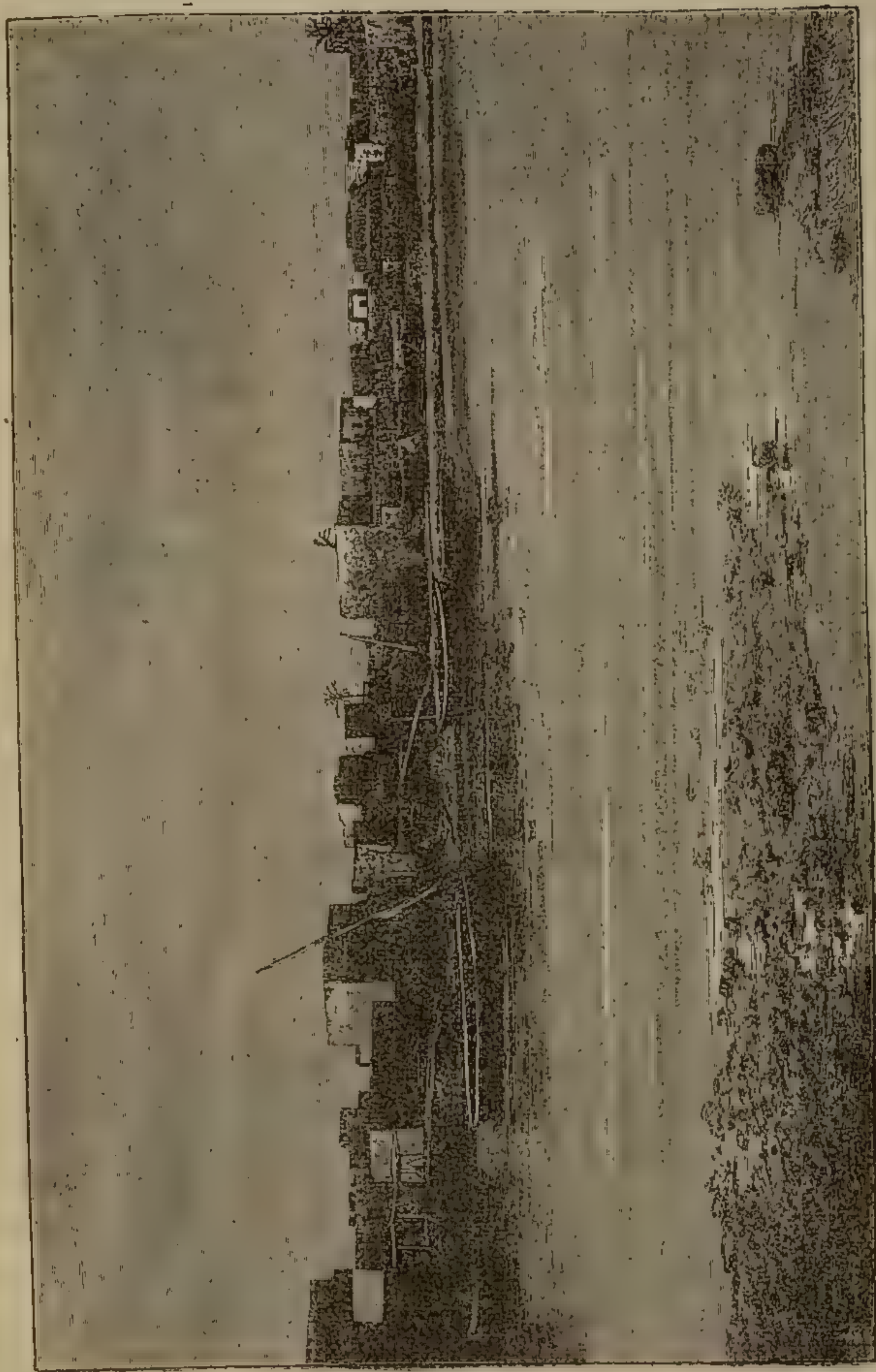

Рис. 5. Видъ современнаго Тира.

скихъ кипарисовъ устроили всѣ помосты твои; брали съ Ливана кедръ, чтобы сдѣлать на тебѣ мачты. Изъ дубовъ вассанскихъ дѣлали весла твои; скамьи твои дѣлали изъ буковаго дерева, съ оправой изъ слоновой кости съ острововъ киттимскихъ. Узорчатыя полотна изъ Египта употреблялись на паруса твои и служили флагомъ; голубого и пурпуроваго цвѣта ткани съ острововъ Елисы были покрываломъ твоимъ». Далѣе пророкъ Іезекіиль дѣлаетъ длинное перечисленіе товаровъ, которые сосредоточены на рынкахъ Тира, а также странъ и народовъ, откуда привезены эти товары, и изъ его словъ оказывается, что финикіяне торговали всѣми продуктами тогдашней культуры и со всѣми извѣстными тогда народами трехъ частей свѣта.

Главное занятіе финикійцевъ, ихъ міровая торговля, наложило свою печать на ихъ политическій и общественный строй. Государственное устройство и отношенія между сословіями представляютъ въ Финикіи такія особенности, какихъ мы не встрѣчаемъ еще нигдѣ на древнемъ Востокѣ. Первоначально и здѣсь, какъ повсюду, существовали родовые союзы, которые потомъ объединялись въ небольшія политическія общины; но далѣе это объединеніе не пошло, и маленькая Финикія всегда распадалась на цѣлый рядъ независимыхъ городовъ. Нѣчто подобное было и въ Греціи; но тамъ каждая политическая община имѣла естественныя границы въ окружавшихъ ее горахъ; въ Финикіи не было естественныхъ преградъ и тѣмъ не менѣе соединенія отдѣльныхъ городовъ въ одно государство тамъ не произошло. Такое отсутствіе политическаго объединенія кажется тѣмъ непонятнѣе, что по сосѣдству

слагались огромныя державы съ завоевательными стремленіями, и эти воинственныя монархіи часто нападали на Финикію и не разъ подчиняли ее своей власти. Правда, финикійцы по пространству своей территоріи и по численности своего населенія были безконечно слабѣе Египта, Ассиро-Вавилоніи или Персіи; но примѣръ маленькой Греціи, которая побѣдоносно боролась со всѣмъ Востокомъ, подчинявшемся тогда персидскому царю, показываетъ, что горсть людей, проникнутыхъ горячею любовью къ свободѣ и независимости своей родины, можетъ отстоять ее и отъ могущественнаго врага. Финикійскіе города тоже иногда заключали между собою союзъ въ случаѣ внѣшней опасности; но этотъ союзъ не отличался большою прочностью, и въ борьбѣ съ врагомъ финикійцы, повидимому, не проявляли геройства. По крайней мѣрѣ, у нихъ было огромное преимущество передъ всѣми восточными завоевателями—сильный флотъ; но, несмотря на это, Финикія большую часть своей исторіи находилась въ зависимости то отъ Египта, то отъ Ассиро-Вавилоніи, то отъ Персіи, и, какъ кажется, сравнительно легко переносила чужеземное иго. Такъ, противъ египетскихъ фараоновъ происходили почти непрерывныя возстанія завоеванныхъ ими народовъ въ Азіи; но большая часть финикійскихъ городовъ не слѣдуетъ этому примѣру сосѣдей, и не трудно угадать причины такого спокойнаго подчиненія. Финикіецъ былъ вполнѣ поглощенъ торговыми интересами, и барышъ стоялъ для него на первомъ планѣ. Ради торгово-промышленной выгоды онъ охотно устраивалъ поселенія и на Оронтѣ, и на Тигрѣ, и на Евфратѣ, и на Нилѣ, и на Іорданѣ и изъ-за коммерческой пользы легко ми-

рился съ политическою зависимостью. По той же причинѣ купецъ заслонялъ свободолюбиваго патріота и въ самой Финикіи. Быть подданнымъ такой обширной монархіи, какъ египетская, было очень удобно для торговыхъ сношеній со всѣми ея частями, и финикійскій купецъ находилъ болѣе выгоднымъ уплачивать дань Египту и съ избыткомъ потомъ возвращать ее путемъ торговли, чѣмъ вести тяжелую борьбу за свободу и независимость родины. Ассирійское иго было болѣе тяжкимъ: воинственные сосѣди не только требовали дани, но и заставляли участвовать въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, что было и опасно, и убыточно. Поэтому финикійцы при случаѣ возстаютъ противъ завоевателей, но по большей части неудачно. Эти попытки вернуть независимость особенно часто происходили въ ту эпоху, когда Ассиро-Вавилонія вела борьбу съ Египтомъ; но желаніе свободы и въ это время не особенно глубоко захватывало финикійскаго купца: даже самый могущественный тогда городъ Финикіи, Тиръ, не имѣлъ національнаго войска и велъ борьбу посредствомъ наемниковъ. «Персъ и Лидіянинъ, и Ливіецъ находились въ войскѣ твоемъ и были у тебя ратниками, говоритъ пророкъ Іезекіиль, обращаясь къ Тиру: они придавали тебѣ величіе». Но величіе, основанное на наемныхъ солдатахъ, не отличалось большой прочностью, и финикійскіе города не разъ подвергались жестокому разгрому войсками Ассиро-Вавилоніи, что не измѣняло, однако, политики финикійцевъ. Купецъ не могъ переродиться въ воина и предпочиталъ нести убытки отъ военныхъ расходовъ и чужеземныхъ нашествій, которыя при томъ и не могли быть особенно разорительными: финикійское

богатство составляла не земля, а движимая собственность, которую легко было сохранить на корабляхъ. То же самое море, которое обогащало финикійца въ мирное время, во время войны спасало его отъ разоренія. Самымъ страшнымъ врагомъ финикійскаго купца былъ не воинственный завоеватель, а торговый конкурентъ. Такимъ конкурентомъ явился грекъ, который отбилъ у Финикіи большую часть рынковъ и этимъ положилъ конецъ ея существованію.

Не менѣе рѣзко обнаруживается вліяніе торговли на внутреннемъ устройствѣ финикійскихъ городовъ. Здѣсь впервые мы встрѣчаемъ такую политическую форму, какой не было нигдѣ на Востокѣ. Во главѣ каждаго города стоялъ наслѣдственный царь, но совсѣмъ непохожій ни на египетскаго «божественнаго» фараона, ни на ассирійскаго воинственнаго деспота. Его власть основана не на религіи, не на арміи, а на торговлѣ. Финикійскій царь—самый знатный, самый ловкій, самый богатый купецъ. «Ты печать совершенства, полнота мудрости и вѣнецъ красоты, обращается пророкъ Іезекіиль къ царю Тира. Ты находился въ Едемѣ, въ саду Божіемъ; твои одежды были украшены всякими драгоцѣнными камнями; рубинъ, топазъ, алмазъ, хризолитъ, ониксъ, ясписъ, сапфиръ, карбункулъ и изумрудъ, и золото—все искусно усаженное у тебя въ гнѣздышкахъ и нанизанное на тебѣ приготовлено было въ день сотворенія твоего». Но источникомъ всего этого богатства была торговля. «Большою мудростію твоею, говоритъ пророкъ, посредствомъ торговли твоей ты умножилъ богатство твое, и умъ твой возгордился богатствомъ твоимъ... Отъ обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды, и ты

согрѣшилъ». Царя, какъ повсюду на Востокѣ, окружаетъ знать, аристократія, но знать совершенно особенная, не жрецы и не воины, какъ въ Египтѣ и въ Ассиро-Вавилоніи, а богатые купцы. Другой израильскій пророкъ, Исаія, также хорошо знавшій Финикію, говоритъ, что въ этой странѣ «купцы—князья, торговцы—знаменитости земли». Купеческая аристократія, одинаковая съ царемъ по своему происхожденію и по богатству, стремилась стѣснить его власть и захватить въ свои руки управленіе государствомъ, и такъ какъ при отсутствіи національной арміи у царя не было въ распоряженіи прочной военной силы, то знать почти превратила монархію въ аристократическую республику, а иногда и прямо замѣняла ее олигархіей. Единственную опору царя составляли низшіе классы городского населенія. Какъ во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, въ финикійскихъ городахъ на ряду съ богатыми капиталистами было много мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, а также масса бѣдняковъ и рабовъ. Все это были люди недовольные своимъ положеніемъ и враждебно относившіеся къ правящему классу богачей. Совершенно естественно, что цари въ борьбѣ съ аристократіей искали опоры въ этой массѣ и по временамъ съ ея помощью рѣшались на государственные перевороты для расширенія своей власти. У насъ мало точныхъ свѣдѣній о внутренней исторіи финикійскихъ городовъ; но въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, сохранившихся у греческихъ и римскихъ писателей, отразились слѣды борьбы царей съ аристократіей. Таковы, напримѣръ, сказанія объ основаніи Карѳагена. Основательницей этой могущественной финикійской колоніи, по преданію, была

Элиссаръ или Дидона, дочь тирскаго царя Маттана и жена верховнаго жреца Зихарваала. Послѣ смерти отца Дидоны ея мужъ сдѣлался опекуномъ ея малолѣтняго брата Пигмаліона и захватилъ въ свои руки власть. Но Пигмаліонъ, достигши совершеннолѣтія, съ помощію народной партіи низвергъ и убилъ своего опекуна; тогда Дидона рѣшила отмстить за смерть своего мужа и среди знати составила заговоръ противъ брата, но заговоръ былъ открытъ; Дидона съ своими сообщниками принуждена была бѣжать и направилась въ Африку, гдѣ положила основаніе Карѳагену. Изъ этого преданія видно, что финикійскіе цари одерживали иногда побѣду надъ своими соперниками, но такія побѣды не могли быть прочными, потому что цари всѣми своими интересами были связаны не съ народною массой, а съ крупными торговцами, и къ концу финикійской исторіи царская власть окончательно падаетъ и вмѣсто наслѣдственныхъ царей появляются выборные правители изъ богатыхъ купцовъ, которыхъ называли шофетами. Тѣмъ не менѣе внутренняя борьба между богачами и бѣдняками продолжала развиваться и сопровождалась ужасными жестокостями и полнымъ паденіемъ всякой власти. Купцы не были въ состояніи держать въ подчиненіи городскую толпу, и рѣзня и анархія сдѣлались частымъ явленіемъ въ Финикіи и ускорили ея окончательное паденіе.

IV.

Вліяніе торговли на финикійскую религію и торговлю.—Практичность финикійцевъ и отсутствіе у нихъ оригинальнаго творчества. —Развитіе и характеръ финикійской религіи.—Финикійское искусство.

Подъ вліяніемъ торговли и ея потребностей сложилась вся финикійская культура, начиная отъ религіи и кончая произведеніями промышленности. Главное занятіе финикійца развило въ немъ необыкновенную ловкость, находчивость и поразительное умѣнье прилаживаться къ обстоятельствамъ, но оно не было благопріятно для развитія въ немъ оригинальнаго творчества. Финикійскій купецъ больше всего заботился о сбытѣ своихъ товаровъ, а для этого нужно было приспособлять ихъ ко вкусамъ и потребностямъ покупателей. Торговля была очень обширна, и финикіецъ продавалъ западнымъ варварамъ произведенія высокой культуры Востока. Но наблюдательный и практичный, онъ скоро замѣтилъ, что эти произведенія, созданныя для нуждъ Египта или Ассиро-Вавилоніи, для лучшаго сбыта въ другихъ мѣстахъ нужно сдѣлать, болѣе удобными и дешевыми, и на финикійскихъ фабрикахъ стали комбинировать египетскіе образцы съ ассиро-вавилонскими, отовсюду заимствовать подходящее и соединять разныя заимствованія на одномъ предметѣ. Этотъ духъ заимствованія и приспособленія продуктовъ чужой культуры къ практическимъ потребностямъ наложилъ рѣзкую печать на всю финикійскую культуру, и прежде всего на религію. Финикійцы были чрезвычайно благочестивы и жрецовъ у нихъ огромная масса. Когда тирская царевна Іезавель вышла за-

мужъ за израильскаго царя Ахава, то она привела съ собою 400 служителей Ваала и 450 жрецовъ Астарты. Точно также жертвоприношенія финикійцевъ чрезвычайно обильны и стоятъ весьма дорого. Человѣческія жертвы возведены въ систему; ихъ приносили не только передъ каждымъ походомъ, не только передъ основаніемъ каждой колоніи, но онѣ составляли необходимую часть ежегоднаго торжественнаго богослуженія, а особенно набожные родители сожигали въ честь боговъ своихъ первенцевъ. Но этотъ благочестивый народъ не создалъ своей собственной оригинальной религіи.

Финикіяне пришли въ Сирію фетишистами и долго потомъ поклонялись горамъ, рѣкамъ, лѣсамъ, камнямъ, которые въ сравнительно позднее время все еще обмазывались жертвеннымъ масломъ. Такія вѣрованія встрѣчаются и у другихъ семитическихъ народовъ въ началѣ ихъ исторіи, но другіе семиты позже развили замѣчательныя религіозныя системы съ художественною миѳологіей, съ поэтическими молитвами, съ возвышеннымъ нравственнымъ ученіемъ, съ ясными воззрѣніями на загробную жизнь. Въ этомъ созданіи религіозныхъ вѣрованій ранѣе всего обнаруживается способность народа къ художественному творчеству и его интересъ къ отвлеченнымъ вопросамъ. Чѣмъ богаче поэтическая фантазія народа, тѣмъ живѣе у него представленіе о богахъ, тѣмъ изящнѣе его миѳологія, тѣмъ художественнѣе его легенды и молитвы. Чѣмъ болѣе у него наклонности къ философскимъ вопросамъ, тѣмъ возвышеннѣе его взглядъ на божество, тѣмъ глубже его вѣрованія о загробной жизни, тѣмъ полнѣе и систематичнѣе его нравственное ученіе. Финикійскій мореплаватель былъ трезвый практикъ, пови-

димому, совершенно лишенный поэтическихъ наклонностей и философскихъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, въ сохранившихся памятникахъ финикійской религіи почти нѣтъ и слѣдовъ художественнаго творчества и отвлеченной мысли. Финикіецъ интересовался преимущественно практическою стороной религіи, тѣми способами, посредствомъ которыхъ можно привлечь къ себѣ милость божества или отвратить его гнѣвъ; все остальное его почти совсѣмъ не занимало, и только нѣкоторыя преданія онъ заимствовалъ у сосѣднихъ народовъ. Своей миѳологіи у финикійцевъ совсѣмъ не было. Сколько боговъ, чѣмъ каждый изъ нихъ управляетъ, какое между ними отношеніе—всѣ эти вопросы стояли совершенно внѣ интересовъ практическаго торговца, и отвѣта на нихъ онъ не счелъ нужнымъ заимствовать у сосѣдей. Финикійцы не придумали даже оригинальныхъ именъ для своихъ боговъ. Ихъ богъ Эль не что иное, какъ общесемитическое нарицательное имя всякаго божества. Кромѣ того, всеобщее признаніе получилъ въ Финикіи ассирійскій богъ Ваалъ. Въ каждомъ финикійскомъ городѣ почитали своего Ваала и его жену Ваалиту, которую позже замѣнила ассирійская же богиня Астарта. Всѣ эти Ваалы были совершенно различныя божества, но тѣмъ не менѣе всѣхъ ихъ называли однимъ именемъ и только иногда прибавляли къ нему названіе города, наприм., Ваалъ Сидона, Ваалъ Арада и т. д., а богъ—покровитель Тира совсѣмъ не имѣлъ собственнаго имени: его просто называли Мелькартъ, что значитъ «царь города», а жену его Милькатъ—«царица города». Во всѣхъ языческихъ религіяхъ каждое божество имѣетъ свое особенное дѣло, завѣдываетъ какою-нибудь

стихіей, какимъ-нибудь опредѣленнымъ явленіемъ природы, одинъ богъ—моремъ, другой—вѣтромъ и т. д. Финикійскій Ваалъ не имѣлъ опредѣленнаго значенія: онъ богъ жизни и смерти, созданія и разрушенія, добра и зла. Позже финикійцы заимствовали почти всѣ божества Египта до Аписа включительно, а также весьма многихъ боговъ Ассиро-Вавилоніи и Сиріи, но не привели ихъ въ какую-либо систему. Даже постояннаго главнаго бога у нихъ не было, и первое мѣсто занимало божество того города, который былъ въ данное время наиболѣе могущественнымъ, т. е. сначала Сидона, а потомъ Тира. Совершенно естественно, что эти божества, перенесенныя изъ чужой страны, созданныя чужой фантазіей, не имѣли яснаго образа въ представленіи финикійца, а слѣдовательно не могло быть и художественнаго ихъ изображенія. Религіозному искусству всегда предшествуетъ художественная миѳологія, и художникъ воплощаетъ въ статуѣ или картинѣ тотъ образъ бога, который созданъ народнымъ преданіемъ и миѳомъ. У финикійцевъ не было самобытной миѳологіи, поэтому не могло быть и оригинальнаго искусства. Они заимствовали нѣкоторыя религіозныя преданія у однихъ сосѣдей и переносили ихъ на боговъ, заимствованныхъ у другихъ, но это только искажало образъ божества. Такъ, финикійцы перенесли на Ваала и Астарту миѳы объ Озирисѣ и Изидѣ, хотя ассировавилонскія божества вовсе не были похожи на египетскихъ. Точно такъ же поступали они и съ изображеніями боговъ.

Весьма долгое времяу финикійцевъ статую боговъ замѣнялъ такъ называемый «бетиль»—домъ бога, какой нибудь камень или другой предметъ, въкоторомъ подо-

Рис. 6. Бетиль.

зрѣвали присутствіе божественной силы. Опредѣленной формы бетили не имѣли, хотя чаще всего они встрѣчаются въ видѣ неправильнаго конуса (Рис. 6). Позже, повидимому, и въ Финикіи начинались попытки изображенія боговъ въ человѣческомъ видѣ, но такія изображенія отличаются крайнею грубостью. Такъ, на прилагаемомъ рисункѣ (Рис. 7) представленъ одинъ изъ Вааловъ. Изображеніе сдѣлано на камнѣ, который ставился въ храмѣ, какъ благочестивое приношеніе набожнаго жертвователя. Но какъ ни грубо это изображеніе, оно во всякомъ случаѣ представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ фетишизмомъ, тѣсная связь съ которымъ обнаруживается на немъ самымъ нагляднымъ образомъ: часть

правой руки бога составляетъ священное дерево, которому искони поклонялись финикійцы. Встрѣчаются также изображенія женскихъ божествъ, но и они носятъ не менѣе грубый, ремесленный характеръ. Прилагаемый рисунокъ (Рис. 8), снятый съ мраморнаго барельефа, представляетъ цѣлую картину: богиня изображена въ посвященной ей рощѣ и окружена молящимися женщинами; но ни малѣйшихъ зачатковъ художественнаго вкуса не замѣтно на этомъ изображеніи.

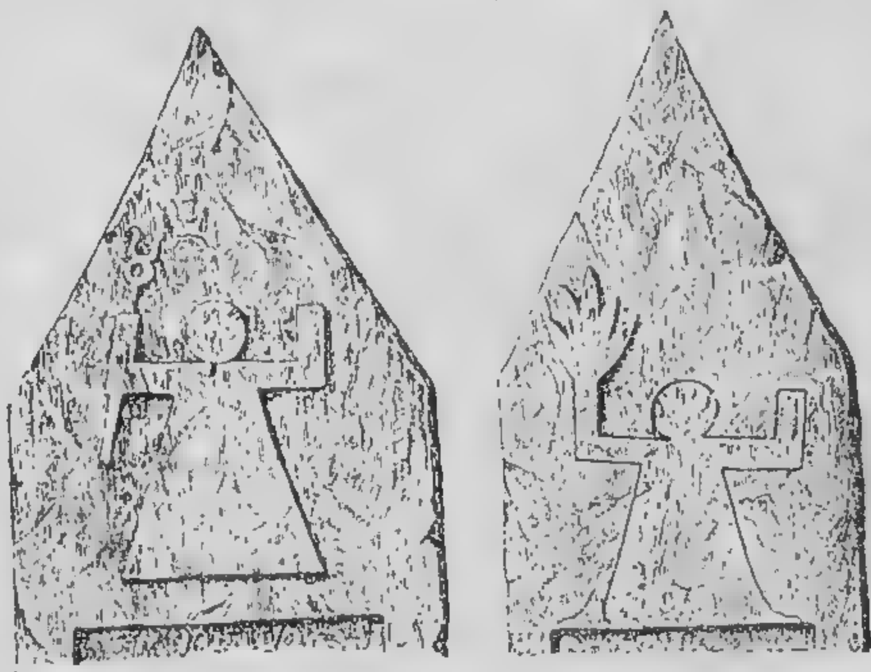

Рис. 7. Ваалъ съ священнымъ деревомъ.

Древнѣйшіе памятники искусства каждаго народа отличаются грубостью; но по мѣрѣ развитія культуры развивается обыкновенно и художественный вкусъ народа, и его техническая опытность, такъ что его художественные памятники, оставаясь національными и самобытными, все болѣе и болѣе совершенствуются. Финикійцы въ этомъ отношеніи представляютъ исключеніе: всѣ силы этого народа направлены были на торговлю и промышленность, и вообще на практическую дѣятельность, и художественные задатки, которыми въ большей или меньшей степени обладали всѣ семиты, у финикійцевъ не получили дальнѣйшаго развитія. Кромѣ того, привыкши къ заимствованіямъ у сосѣдей, они переносили къ

себѣ и ихъ художественные пріемы при изображеніи боговъ и дѣлали это чисто внѣшнимъ образомъ, безо всякой связи съ вѣрованіями. Такъ, у египтянъ былъ богъ Хнумъ, котораго изображали съ бараньей головой или съ бараньими рогами. Такое изображеніе въ Египтѣ развилось исторически: въ древнѣйшія времена барана причисляли къ такимъ же божествамъ, какъ

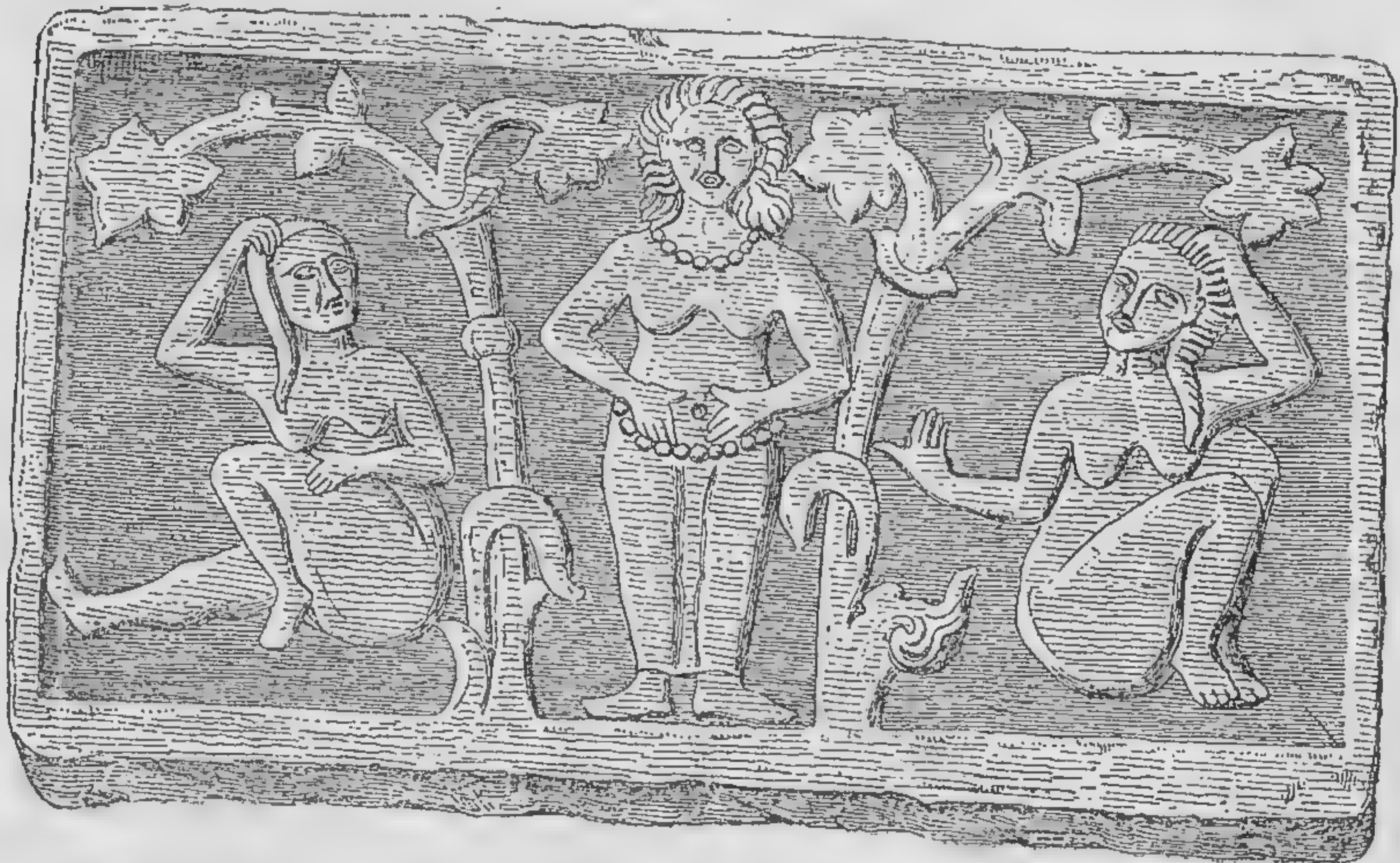

Рис. 8. Богиня въ священной рощѣ.

ибисъ, коршунъ и другіе; позже въ немъ видѣли проявленіе той божественной силы, которая находилась въ распоряженіи у Хнума, поэтому баранъ остался священнымъ животнымъ Хнума и его рога сдѣлались символомъ этого при изображеніи божества. Ничего подобнаго не было у финикійцевъ, и тѣмъ не менѣе они изображали своего Ваала съ бараньими рогами и ставили рядомъ съ нимъ барановъ (Рис. 9). До какой

степени механически дѣлали заимствованія финикійскіе художники у своихъ сосѣдей, лучше всего показываетъ изображеніе одной богини (Рис. 10). Головной уборъ этой богини—символъ луны взятъ съ

Рис. 9. Ваалъ.

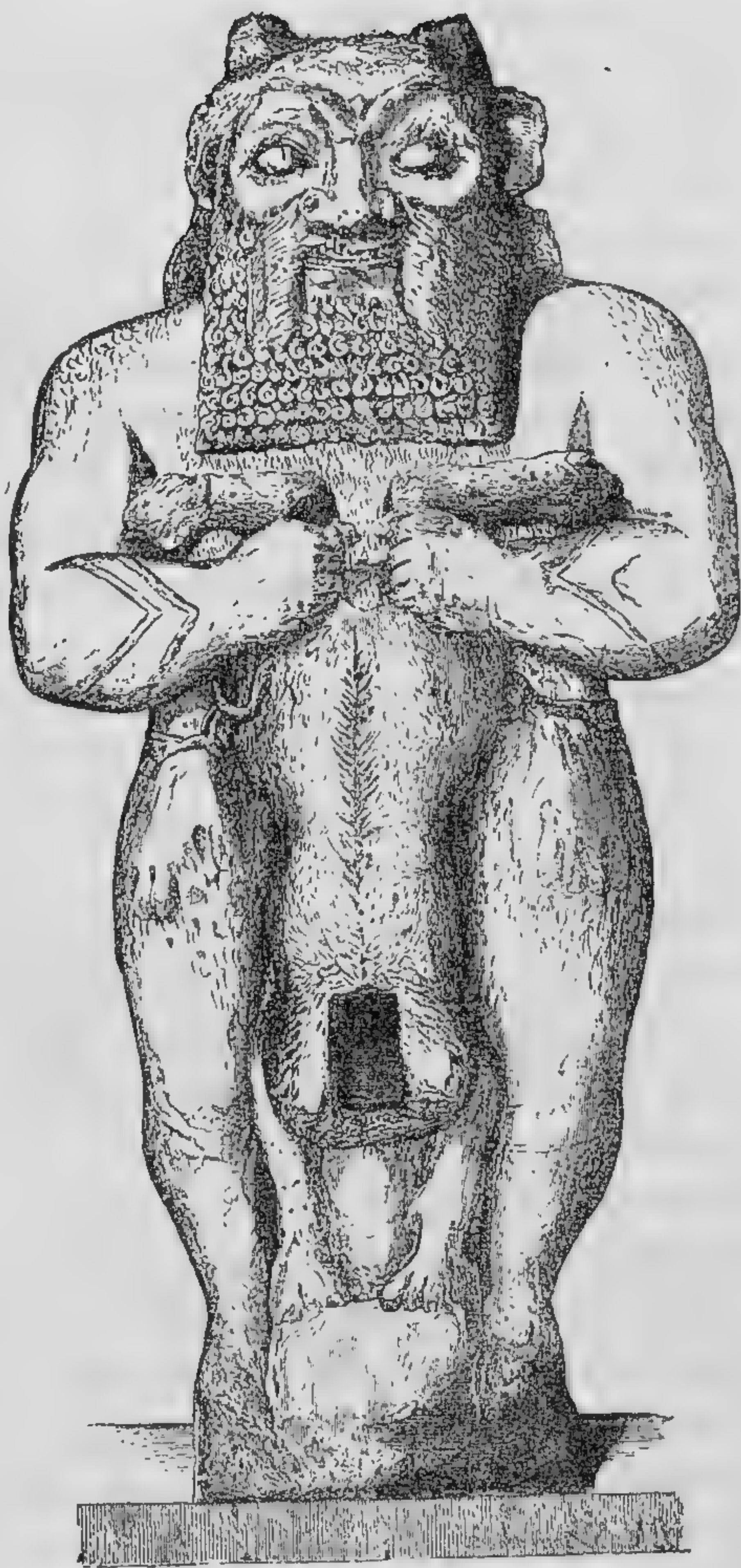
египетскаго изображенія бога Тота; съ изображенія Изиды заимствована змѣя уреусъ, окружающая ея голову; но ея прическа сдѣлана не по-египетски, а по ассирійскому образцу. Чѣмъ руководствовались въ та-

кихъ заимствованіяхъ финикійскіе художники, сказать трудно; но можно смѣло утверждать, что при этомъ они обнаруживали полное отсутствіе эстетическаго вкуса сравнительно съ другими народами семитическаго востока. Для того, чтобы какое-нибудь произведеніе искусства производило художественное впечатлѣніе, необходимо сохраненіе стиля, т.-е., чтобы всѣ его части были однородны, проникнуты однимъ духомъ, служили выраженіемъ одной общей мысли. Соединеніе на одной статуѣ ассирійскихъ пріемовъ съ египетскими было вопіющимъ нарушеніемъ всякаго стиля. Но и независимо отъ этого въ самомъ выборѣ предметовъ для заимствованія обнаруживается полное отсутствіе у финикійцевъ художественнаго вкуса. Такъ, повидимому, изъ южной Аравіи они вывезли бога Безу (Рис. 11), и этотъ уродливый карликъ былъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ произведеній финикійской пластики.

Рис. 10. Финикійская богиня.

Тотъ же самый духъ узкой практичности и без-

Рис. 11. Богъ Беза.

смысленнаго заимствованія одной только формы, независимо отъ содержанія, обнаруживается и въ финикійскомъ культѣ. Такъ, финикійскій храмъ былъ, повидимому, подражаніемъ египетскому, только въ меньшихъ размѣрахъ. Къ сожалѣнію, архитектурныхъ памятниковъ на почвѣ древней Финикіи почти совсѣмъ не сохранилось. Разсчетливые финикійскіе купцы не воздвигали такихъ грандіозныхъ сооруженій, какъ египетскія пирамиды, которыя не боятся времени и удачно сопротивляются разрушительному дѣйствію стихій и человѣка. Съ дру-

гой стороны, географическое положенiе Финикiи не представляло такихъ удобствъ для сохраненiя, по крайней мѣрѣ, развалинъ архитектурныхъ памятниковъ, какiя, напримѣръ, представляла Месопотамская равнина. Послѣ разрушенiя городовъ Ассиро-Вавилонiи эта страна быстро превратилась въ песчаное кладбище: многочисленные оросительные каналы, лишенные заботливой поддержки, разрушились, осѣдлое, земледѣльческое населенiе исчезло, пески сосѣдней Аравiи засыпали разоренные города и этимъ сохранили для исторической науки ихъ развалины. Прошли тысячелѣтiя, и европейскiе варвары, достигши высокой степени культурнаго развитiя, раскопали эти песчаныя могилы и получили возможность познакомиться съ древнѣйшими памятниками нашей культуры. Въ иномъ положенiи находилась Финикiя: ея города и храмы также подверглись разрушенiю, но на старыхъ мѣстахъ, удобныхъ для жизни, благодаря близости моря, селились новые народы и воздвигали новыя сооруженiя. Такимъ образомъ, единственный остатокъ храма на финикiйской почвѣ представляетъ такъ называемый el Maabed (Рис. 12), жалкое подражанiе египетскимъ храмовымъ постройкамъ. Судя по развалинамъ, этотъ храмъ, подобно египетскимъ, состоялъ изъ окруженнаго стѣною двора съ портиками и колоннами, а въ центрѣ или въ углу его находилось святилище, сохранившееся отъ окончательнаго разрушенiя. О внутреннемъ устройствѣ финикiйскихъ храмовъ даютъ нѣкоторое понятiе надписи, изъ которыхъ видно, что тамъ были бронзовые алтари, раскрашенные и съ обильною позолотой колонны — словомъ, то же самое, что въ Египтѣ. Извѣстно, кромѣ того, что въ финикiй-

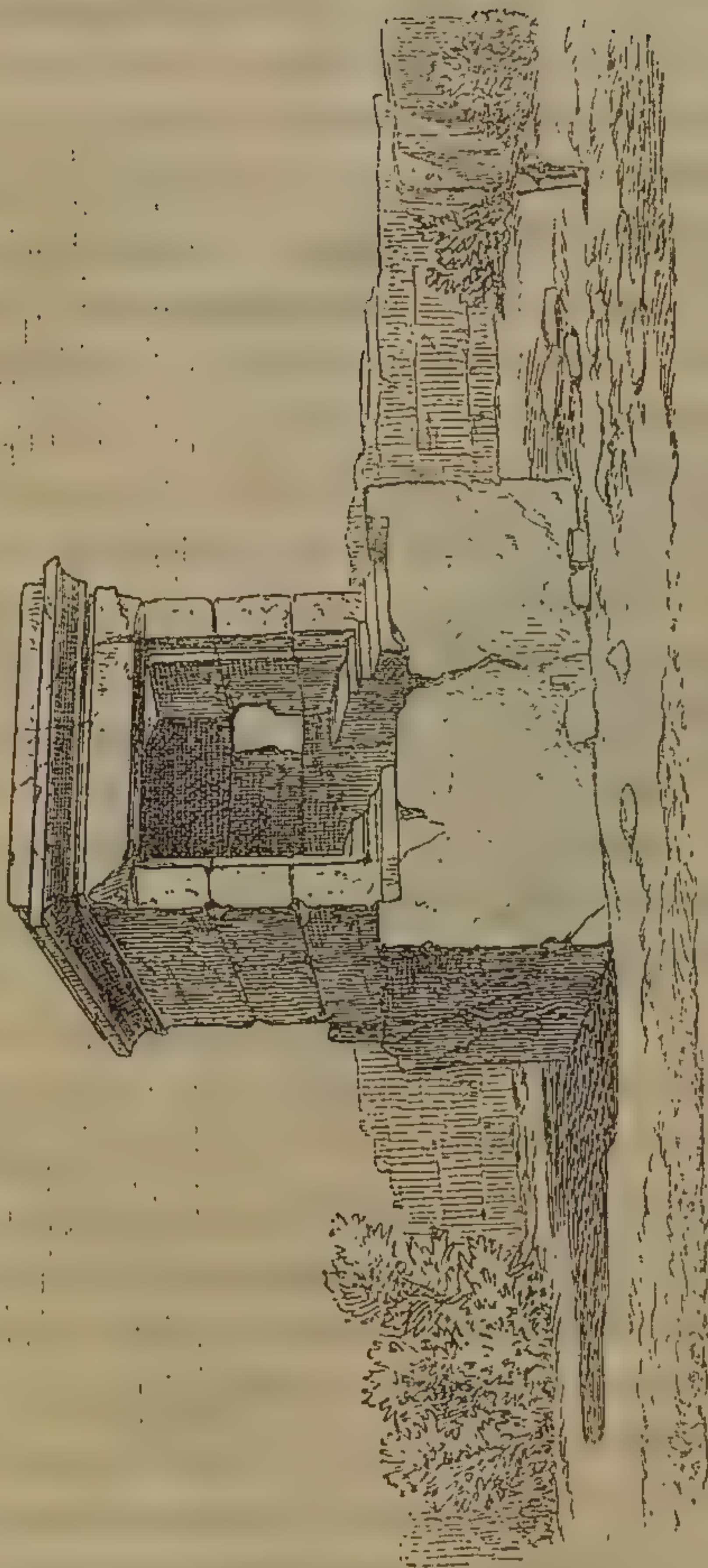

Рис. 12. El Maabed.

скомъ городѣ Библосѣ возили передвижной храмъ, тоже, вѣроятно, заимствованіе изъ египетскихъ религіозныхъ процессій, гдѣ божественныя изображенія и другіе предметы носили въ особаго рода ящикахъ.

Жречество въ Финикіи было чрезвычайно многочисленно; но оно не выработало, какъ мы видѣли, самостоятельнаго культа. Финикійскіе жрецы одѣвались по-египетски, а служили по-ассирійски. Жреческія должности занимались купцами, и потому узкокоммерческое направленіе съ особенною рѣзкостью отразилось на финикійскомъ культѣ. Языческое богослуженіе вообще носитъ характеръ покупки человѣкомъ божественной помощи за опредѣленное вознагражденіе путемъ жертвы; восторженное благоговѣніе передъ божествомъ, безкорыстный гимнъ его совершенству—рѣдкое явленіе въ языческихъ религіяхъ. Но у финикійцевъ такой коммерческій взглядъ на отношеніе между богомъ и человѣкомъ проявляется особенно грубо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ бывшихъ финикійскихъ колоніяхъ, въ Марсели и въ Карѳагенѣ, найдены такъ называемые «тарифы жертвъ»,—надписи, гдѣ точно вычисляется стоимость различныхъ жертвоприношеній. Этотъ прейсъ-курантъ божьей милости и человѣческой благодарности обыкновенно выставлялся передъ храмомъ, и финикійскій купецъ могъ заранѣе разсчитать, на какую сумму нужно ему божьей помощи или какого вознагражденія заслужило божество за свои благодѣянія. У финикійцевъ точно также было точно опредѣлено, когда и какія жертвы слѣдуетъ приносить, какую часть жертвеннаго мяса нужно отдавать богамъ, какую жрецамъ и какой можетъ воспользоваться самъ жертвователь.

Просительная жертва должна быть лучшаго качества и ее всю слѣдуетъ сжечь богамъ, а благодарственная можетъ быть похуже и часть ея идетъ жрецу и жертвователю. Словомъ, все богослуженіе было построено на строго коммерческомъ началѣ.

До насъ дошло нѣсколько памятниковъ погребальнаго культа финикійцевъ, и эти памятники чрезвычайно характерны. Финикійскіе похоронные обряды не имѣли, повидимому, тѣсной связи съ религіозными

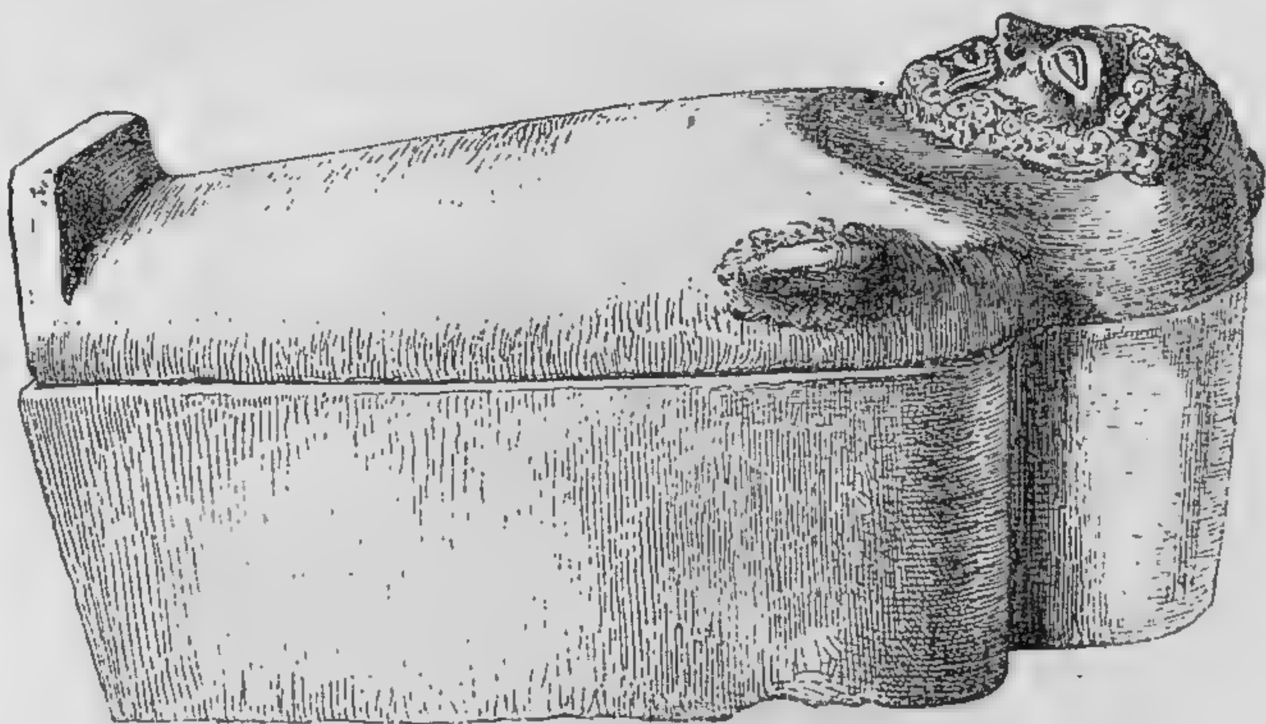

Рис. 13. Саркофагъ изъ Сидона.

воззрѣніями на загробную жизнь и были чисто внѣшнимъ образомъ заимствованы у сосѣдей и преимущественно у египтянъ. По крайней мѣрѣ, финикійскіе памятники не обнаруживаютъ никакихъ слѣдовъ идеи безсмертія, и тѣла умершихъ не бальзамировались, какъ это было въ Египтѣ, тѣмъ не менѣе египетскія погребальныя сооруженія встрѣчаются на финикійской почвѣ. Такъ, въ Финикіи, какъ въ Египтѣ, существовали обширныя пещерныя могилы съ массой комнатъ, но эти комнаты не имѣли опредѣленнаго назначенія, какъ

въ Египтѣ, потому что число и расположеніе ихъ не одинаковы. Точно также египетскій саркофагъ обычное явленіе въ Финикіи (Рис. 13), но практическій духъ финикійца сказался и здѣсь: чтобы не тратить лишняго матеріала, финикійскіе художники измѣнили

Рис. 14. Финикійская пирамида.

огромный египетскій ящикъ въ гробницу, точно сдѣланную по фигурѣ покойника. Наконецъ, въ Финикіи встрѣчаются и пирамиды (Рис. 14), но небольшихъ размѣровъ, иной формы и съ другимъ значеніемъ, нежели въ Египтѣ. Египетскія пирамиды созданы рели-

гіозными вѣрованіями и представляли собою прочную могилу, которая сохраняла для лучшаго будущаго царскую мумію; финикійскіе купцы превратили религіозную постройку въ простой надгробный памятникъ, который долженъ былъ свидѣтельствовать о заслугахъ

Рис. 15. Надгробный памятникъ.

умершаго, а можетъ быть просто о его богатствѣ. Что касается до формы такихъ памятниковъ, то финикійскіе строители не только видоизмѣняли египетскую пирамиду, но и заимствовали также образцы съ ассиро-вавилонскихъ построекъ. Такъ, надгробный памятникъ, находящійся недалеко отъ предыдущаго (Рис. 15), построенъ по ассирійскимъ образцамъ: львы,

украшающіе его основаніе, куполъ, составляющій его кровлю, орнаментъ въ видѣ зубцовъ крѣпости на карнизахъ—все это принадлежность ассиро-вавилонской архитектуры. Такимъ образомъ финикійскіе погребальные памятники представляютъ собою чисто внѣшнее заимствованіе у сосѣдей, стоящее внѣ всякой связи съ тѣми вѣрованіями, которыя вызвали эти сооруженія на ихъ родинѣ.

V.

Отсутствіе оригинальности въ произведеніяхъ финикійской промышленности.—Общій характеръ финикійской культуры.—Финикійская колонизація.—Всемірноисторическое значеніе Финикіи.

Настоящей родной стихіей финикійца на ряду съ торговлей была промышленность. Многочисленныя финикійскія фабрики, разбросанныя по всему свѣту въ колоніяхъ, должны были удовлетворять обширному спросу безчисленныхъ покупателей, и произведенія финикійской промышленности были хорошо извѣстны на всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря. По техникѣ эти произведенія стояли очень высоко, и ихъ одинаково прославляютъ поэмы Гомера и пророкъ Іезекіиль, но истиннаго творчества финикійцы и въ этой сферѣ обнаружили такъ же мало, какъ въ области религіи и искусства. Долгое время имъ приписывали изобрѣтеніе стекла, фаянса и вѣсовыхъ мѣръ, но стекло и фаянсъ—египетское изобрѣтеніе, а мѣры вѣса финикійцы заимствовали изъ Ассиро-Вавилоніи. Вообще, въ промышленности, какъ въ религіи, они брали все подходящее у сосѣдей, примѣняли заимствованное ко вкусу покупателя, соединяя иногда на одномъ предметѣ египетское съ ассирійскимъ. Особенно наглядно

проявляется эта смѣсь на орнаментѣ, съ которымъ знакомятъ насъ лучше всего остатки финикійскихъ построекъ. Орнаментъ у каждаго народа стоитъ въ связи съ его флорой, фауной, вѣрованіями, нравами и обычаями. Такъ, у египтянъ орнаментомъ часто служитъ лотосъ, а также символическое изображеніе бога солнца, такъ называемый египетскій символъ, ко-

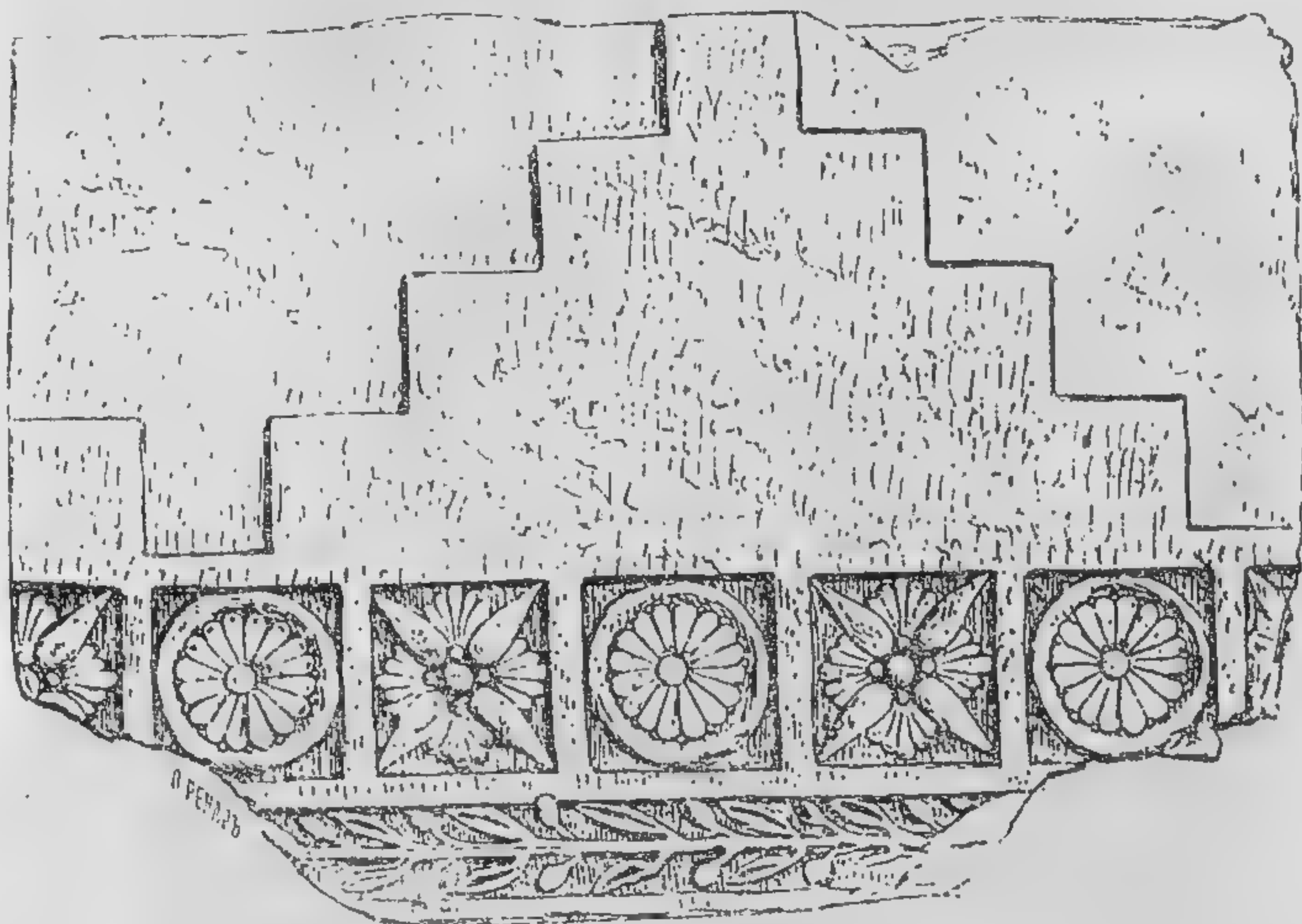

Рис. 16.

торый изображали надъ входами и окнами, какъ охрану отъ всякой враждебной силы. У ассиро-вавилонянъ лотосъ замѣняется маргариткой; а также въ качествѣ орнамента употреблялись львы и зубцы крѣпостной стѣны. Финикійцы воспроизводятъ чужеземный орнаментъ (Рис. 16), хотя крѣпостные зубцы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе вкусамъ воинственныхъ ассирійцевъ, не подходили къ нравамъ финикійцевъ,

которые никогда не отличались воинственностью и никогда не клали даже оружія въ могилы, что дѣлали почти всѣ народы. Иногда на одномъ и томъ же предметѣ финикійскіе мастера соединяли національный орнаментъ обоихъ сосѣдей. Такъ, на капители одной финикійской колонны изображенъ (Рис. 17) египетскій символъ, т. е. солнечныя дискъ съ крыльями, а надъ нимъ два ассирійскихъ льва. Или на верху одной финикійской вазы (Рис. 18) изображены ассирійскія маргаритки, а на срединѣ египетскій лотосъ. Та же смѣсь египетскаго съ ассирійскимъ обнаруживается на самыхъ лучшихъ произведеніяхъ финикійской промышленности, на металлическихъ сосудахъ. Такъ, на прилагаемомъ рисункѣ (Рис. 19) изображеній на серебряной чашѣ—боковыя фигуры представляютъ охоту на львовъ и другихъ хищныхъ животныхъ, обычный сюжетъ ассирійскаго искусства, а центральныя—точную копію съ одного египетскаго памятника.

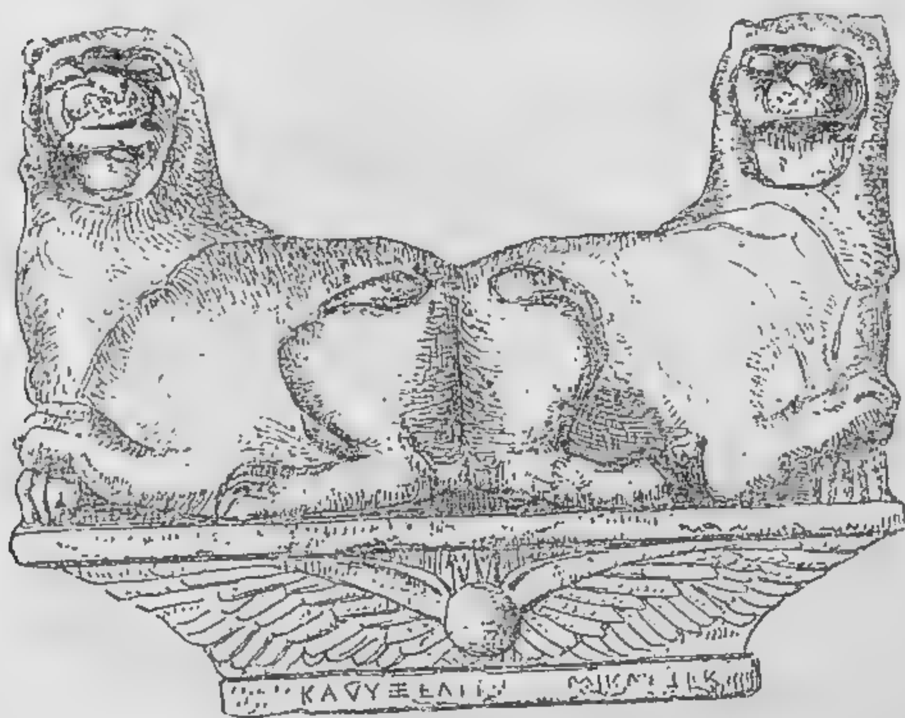

Рис. 17. Капитель финикійской колонны.

Но заимствуя произведеніе чужеземнаго искусства, финикійцы весьма часто подвергали его существеннымъ измѣненіямъ съ замѣтною цѣлью сблизить съ памятниками другого чужеземнаго народа. Такъ, на финикійскихъ изо-

браженіяхъ часто встрѣчается египетскій сфинксъ (Рис. 20), но это не тотъ обычный стражъ кладбища, который составляетъ одно изъ характернѣйшихъ произве-

Рис. 18. Финикійская ваза.

деній египетскаго искусства: у финикійскаго сфинкса женская голова и, что особенно характерно, ему придѣланы крылья. Правда, крылатые сфинксы встрѣчаются и въ Египтѣ, но крайне рѣдко, и притомъ они имѣютъ

другую форму (Рис. 21). Финикійское подражаніе гораздо болѣе напоминаетъ фантастическихъ крылатыхъ животныхъ, которыя составляютъ любимый сюжетъ ассиро-вавилонскаго искусства и изображеніе которыхъ мы видѣли на финикійской чашѣ. Иногда измѣ-

Рис. 19. Дно финикійской чаши.

неніе заимствованнаго памятника состоитъ въ превращеніи художественнаго произведенія въ ремесленное издѣліе. Такъ, chef-d'oeuvr'омъ ассирійскаго искусства было изображеніе животныхъ и въ особенности льва даже на предметахъ промышленности (Рис.22), и финикійскіе мастера часто воспроизводили

ассирійскихъ львовъ, но эти воспроизведенія носятъ крайне грубый и совершенно ремесленный характеръ (Рис. 23), и финикійскій мастеръ никогда не возвышался до ассиро-вавилонскаго художника. Самымъ крупнымъ изобрѣтеніемъ финикійцевъ считается и совершенно справедливо фонетическій алфавитъ, но и въ этомъ дѣлѣ финикійцы были не столько изобрѣтателями, сколько наблюдательными практиками, усовершенствовавшими чужое изобрѣтеніе. Письменность давно уже существовала въ Месопотаміи и въ Египтѣ, но іероглифы и клинообразныя письмена были чрезвычайно неудобны: отдѣльный знакъ изображалъ тамъ то цѣлое слово, то слогъ, то одинъ только звукъ. Финикійцы замѣтили, что гораздо удобнѣе имѣть особые знаки только для каждаго звука и при-

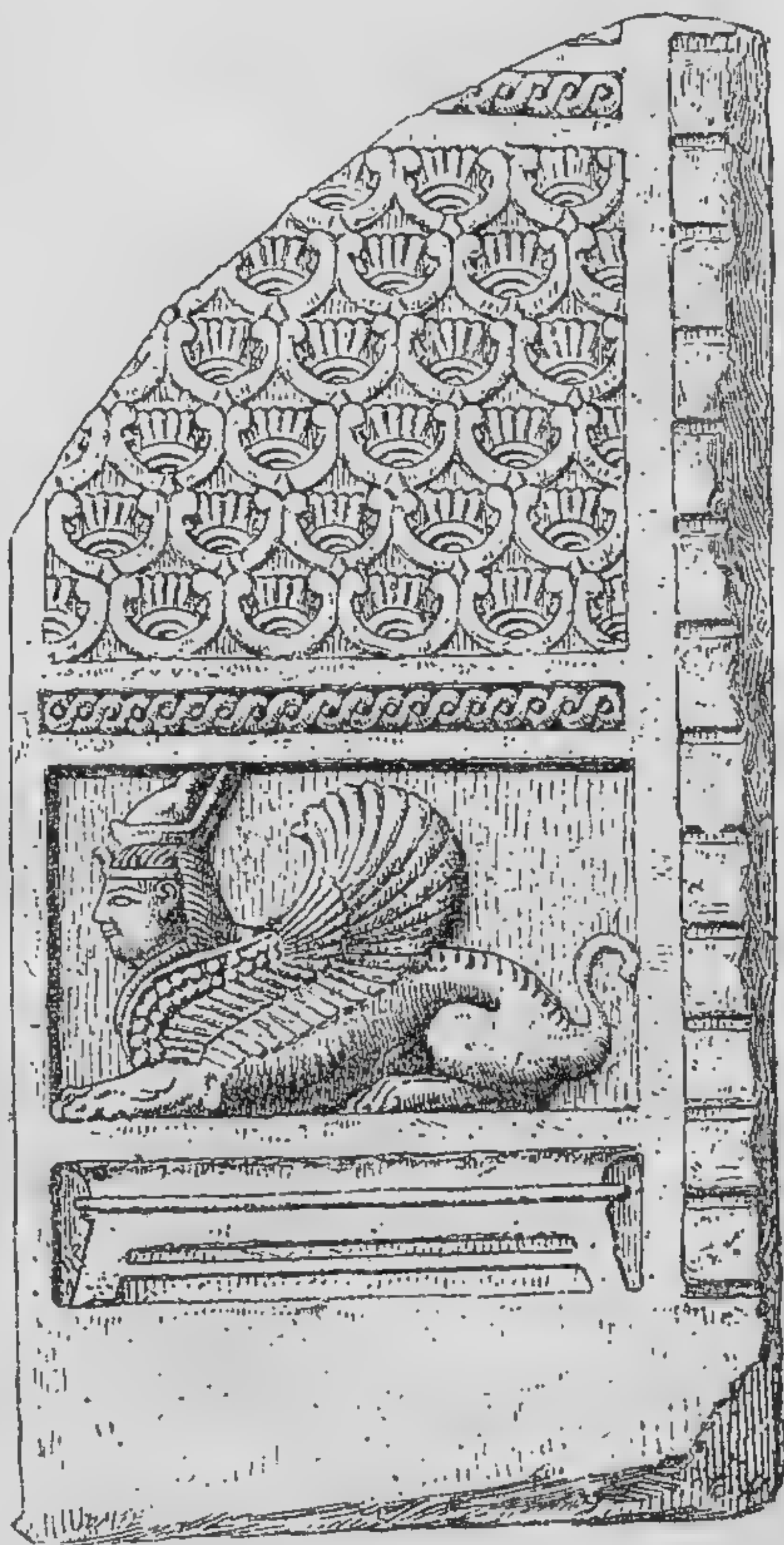

Рис. 20. Финикійскій сфинксъ.

думали 22 знака для своей азбуки. Творчества въ этомъ преобразованiи очень мало, но это нисколько не уничтожаетъ огромной важности финикiйскаго алфавита.

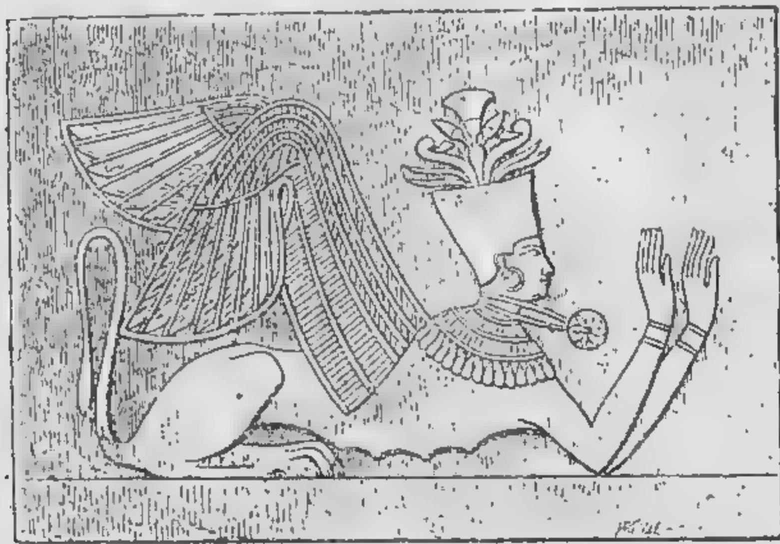

Рис. 21. Египетскiй сфинксъ.

Итакъ, двѣ черты составляютъ характерную особенность финикiйской культуры: отсутствiе въ ней самобытности, оригинальнаго творчества и ея чисто практическiй характеръ. Финикiйцы не создали ни-

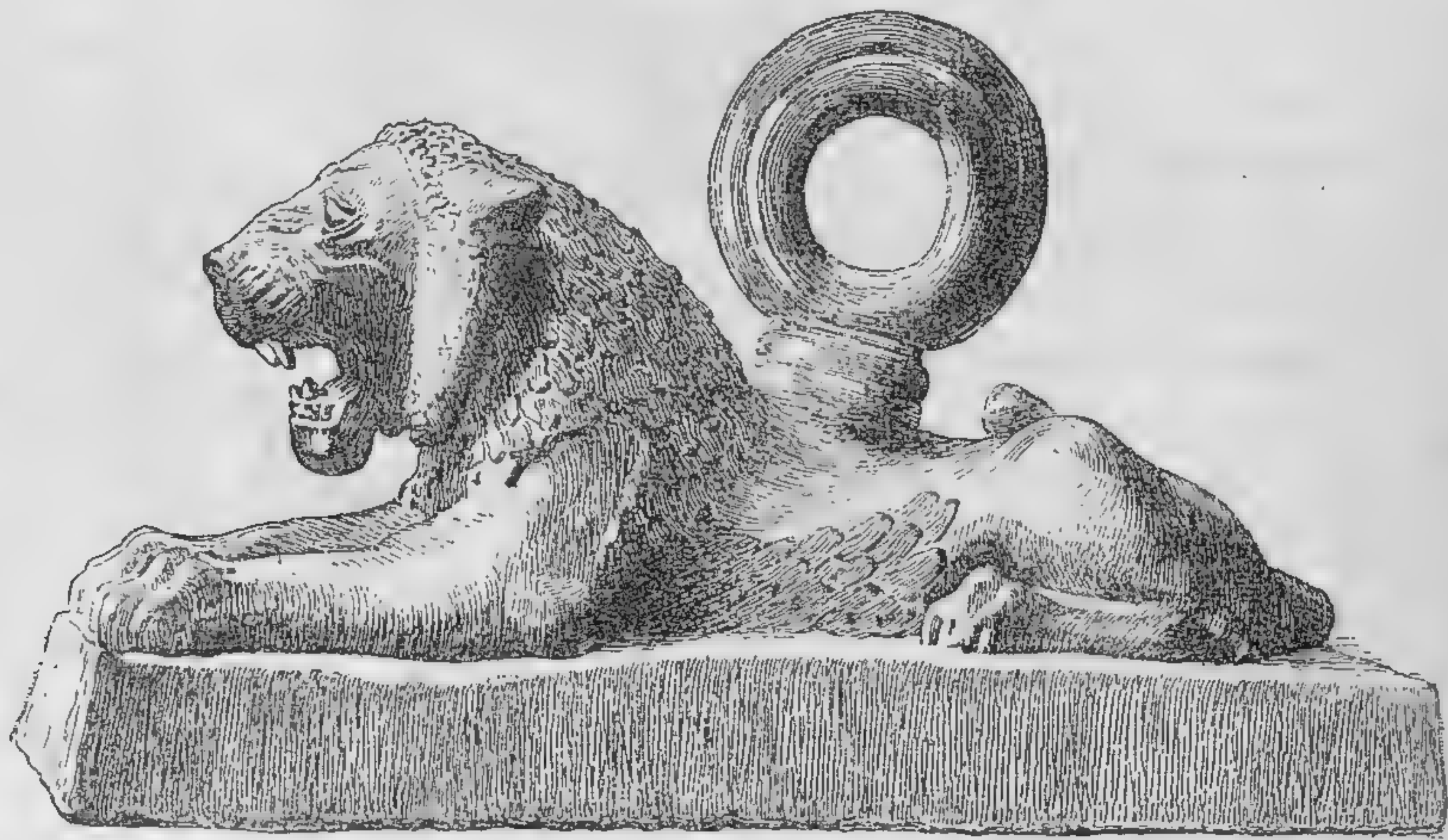

Рис. 22. Ассирiйскiй левъ.

чего самостоятельнаго ни въ религiи, ни въ искуствѣ, они нетолько все заимствовали у своихъ сосѣдей, но иска-

зили, испортили заимствованное. Какъ ни мало красоты въ произведеніяхъ національнаго искусства Египта и Ассиро-Вавилоніи, они проникнуты, по крайней мѣрѣ, однимъ духомъ, носятъ на себѣ слѣды оригинальнаго творчества. Произведенія финикійской культуры—настоящій костюмъ арлекина, въ которомъ ассирійское чисто внѣшнимъ образомъ соединено съ египетскимъ, и такое смѣшеніе дѣлаетъ финикійскіе памятники бо-

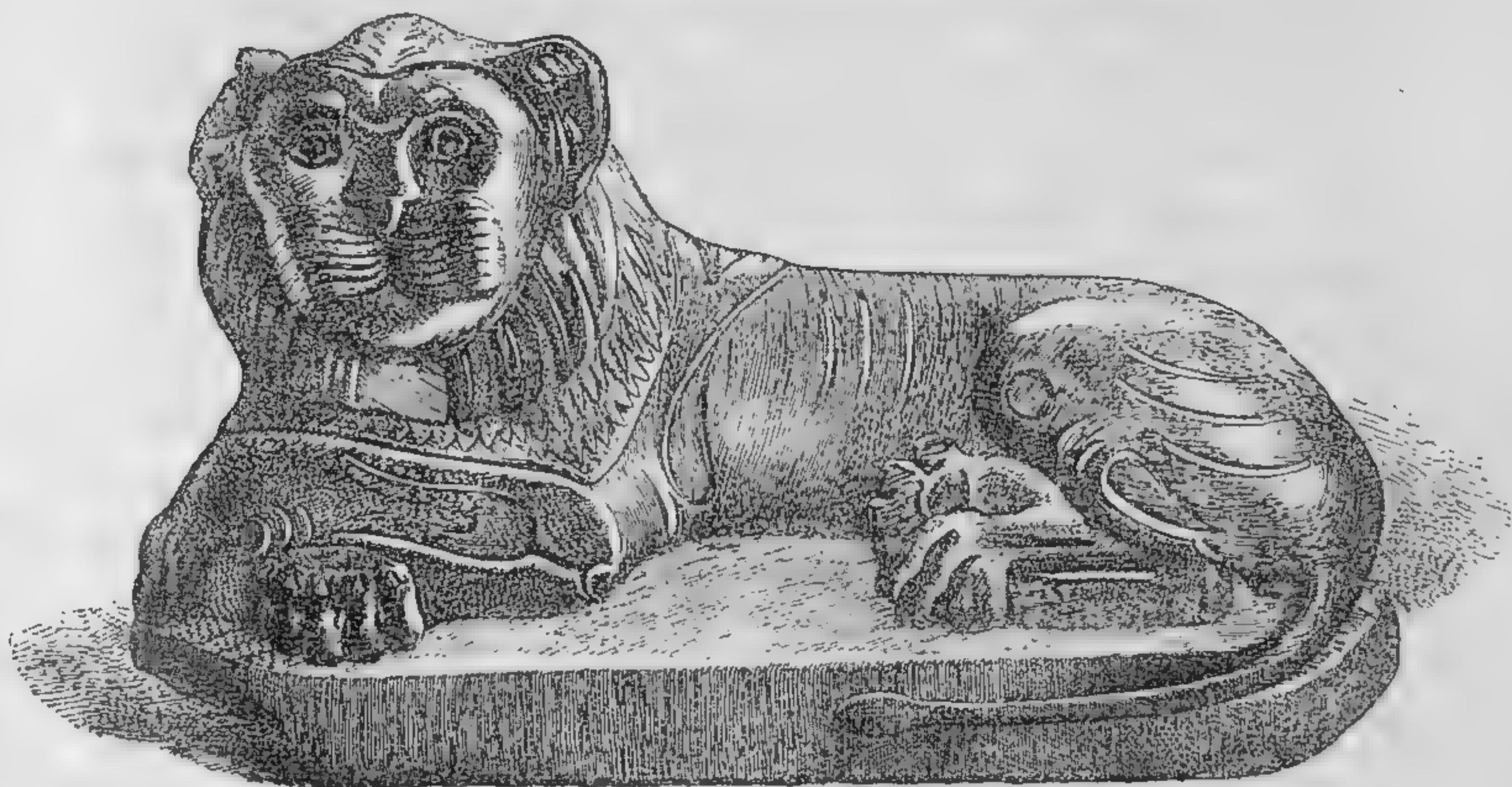

Рис. 23. Финикійскій левъ.

лѣе грубыми, болѣе варварскими, чѣмъ ихъ восточные оригиналы. Но эта варварская передѣлка оригинальныхъ произведеній Востока имѣла благотворное вліяніе на развитіе европейской цивилизаціи и составляетъ одну изъ причинъ всемірно-историческаго значенія Финикіи, такъ какъ она содѣйствовала распространенію восточной культуры на Западѣ.

Во всякомъ обществѣ встрѣчается два рода дѣяте-

лей: одни, одаренные творческой геніальностью, дѣлаютъ великія открытія, создаютъ научныя, философскія или политическія системы, пролагаютъ новые пути въ литературѣ, въ искусствѣ, въ промышленности. Это творцы культуры, самые крупные показатели ея прогресса. Но недостаточно совершить открытіе въ какой бы то ни было сферѣ; необходимо провести его въ жизнь, а для этого иногда нужно нѣсколько видоизмѣнить его первоначальную форму или приспособить его къ практическимъ потребностямъ и такимъ путемъ доставить ему широкое распространеніе. Эту задачу исполняютъ обыкновенно другого рода дѣятели, предпріимчивые, смѣлые, ловкіе, практичные, но лишенные творческаго, оригинальнаго генія. То, что въ обществѣ исполняютъ отдѣльныя личности, въ исторіи человѣчества распредѣляется иногда между цѣлыми народами. Такъ, на древнемъ Востокѣ Ассиро-Вавилонія и Египетъ создали самобытную культуру, а финикійцы преобразовали ее, приспособили къ практическимъ потребностямъ другихъ народовъ и распространили ее по Европейскому западу. Съ этой точки зрѣнія самое искаженіе произведеній восточной культуры финикійцами было благотворно для культурнаго развитія Запада. Ассиро-Вавилонія и Египетъ создали *національныя* культуры, т. е. всѣ ихъ произведенія отражали на себѣ характеръ создавшаго ихъ народа, были проникнуты мѣстными религіозными вѣрованіями, соотвѣтствовали мѣстнымъ нравамъ и обычаямъ. Въ силу этого такія произведенія были совершенно чужды и непонятны другимъ народамъ, что не могло не препятствовать ихъ распространенію за границей. Финикійцы, смѣшивая на одномъ предметѣ ассиро-вавилонскій стиль

съ египетскимъ, лишали произведенія чужой культуры ихъ національнаго характера. Намъ такая смѣсь представляется грубымъ варварствомъ; но покупатели финикійскихъ купцовъ, предки цивилизованныхъ европейцевъ, тогда были грубыми варварами, и къ ихъ вкусамъ приспособлялся финикійскій промышленникъ. Финикійскій левъ, какъ художественное произведеніе, несравненно ниже ассирійскаго, но его сдѣлать было легче и онъ стоилъ гораздо дешевле, а для тогдашняго европейскаго покупателя, еще незнакомаго съ металлическимъ производствомъ, и эта ремесленная копія казалась чудомъ искусства.

Приспособляя товаръ ко вкусу потребителя, финикійскій купецъ старался въ то же время о расширеніи его сбыта, и эта погоня за барышемъ жаднаго до наживы мореплавателя безъ его вѣдома и помимо его воли оказала важныя услуги культурному развитію на Западѣ. Финикійскіе товары, распространенные по всему обширному бассейну Средиземнаго моря, всюду вызывали подражаніе со стороны способнаго, хотя и полудикаго покупателя. Торговецъ незамѣтно для себя становился учителемъ. Еще болѣе значительное культурное вліяніе имѣлъ самый возмутительный видъ торговли—именно торговля рабами. Иногда финикійскіе купцы продавали вмѣстѣ съ товарами и ремесленниковъ, которые могли быть уже настоящими учителями. По крайней мѣрѣ, финикійскія рабыни славились въ древнемъ мірѣ необыкновеннымъ искусствомъ въ изготовленіи женскихъ нарядовъ. Такъ, самыя изящныя платья въ гардеробѣ Елены и Гекубы были сдѣланы «Сидонскими женами», которыхъ вывезъ съ ихъ родины самъ Парисъ, возвращаясь изъ Греціи въ Трою. Но

главными проводниками восточнаго вліянія на Западѣ были финикійскія колоніи.

Колонизаціонная дѣятельность финикійцевъ—одно изъ наиболѣе характерныхъ проявленій ихъ національнаго генія, какъ по своимъ причинамъ, такъ и по результатамъ. Далекія плаванія не позволили развиться въ финикійскомъ характерѣ обычной на Востокѣ неподвижности, а наслѣдственныя занятія торговлей во многихъ поколѣніяхъ развили такую любовь къ выгодѣ, которая облегчала удаленіе съ родины, когда оно вызывалось необходимостью или даже просто торговыми интересами. Одной изъ древнѣйшихъ причинъ образованія финикійцами колоній было стремленіе удешевить товаръ обработкою чужеземнаго сырья на мѣстѣ его полученія. Такъ, открывъ гдѣ-либо мѣдную руду или залежи другого металла, финикійскіе купцы находили болѣе выгодныъ не перевозить металлъ въ сыромъ видѣ на домашнія фабрики, а обрабатывать его тутъ же, на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого на удобномъ приморскомъ пунктѣ, ближайшемъ къ мѣсту полученія сырья, устраивался заводъ, возникала купеческая факторія, населеніе которой, постепенно увеличиваясь, образовывало колонію. Особенно содѣйствовала возникновенію такихъ поселеній та моллюска, изъ которой добывалась пурпуровая краска. Спросъ на этотъ товаръ былъ огромный, а каждое животное давало только каплю красящаго вещества, такъ что замѣна перевозки пурпуровыхъ раковинъ въ Финикію добываніемъ ихъ продукта на мѣстѣ доставляла огромную выгоду. Но кромѣ торговаго барыша, колонизація доставляла Финикіи и другія выгоды. Прежде всего она служила единственнымъ средствомъ устраненія чрезмѣрной гу-

стоты населенія. Горы совсѣмъ прижали Финикію къ морю, и населенію, увеличивавшемуся путемъ естественнаго прироста, некуда было распространяться на материкѣ и приходилось выселять избытокъ съ родины. Кромѣ того, населеніе возростало особенно быстро и по другимъ причинамъ: соплеменники финикійцевъ приходили съ горъ и равнинъ искать заработка въ приморскіе города; туда же стекались и тѣ хананеи, которымъ приходилось спасаться отъ преслѣдованія сосѣднихъ народовъ и пришлыхъ завоевателей. Всѣхъ этихъ пришельцевъ финикійцы отправляли за море и колонизовали ими Европу и Африку. Наконецъ, новыя колоніи возникали также вслѣдствіе внутренней борьбы въ финикійскихъ городахъ между купеческой знатью и низшими классами, такъ какъ побѣжденная партія предпочитала иногда покинуть родину, нежели подчиниться торжествующимъ противникамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ финикійская колонизація началась очень рано: уже въ XVI вѣкѣ до Р. Х. она была въ полномъ ходу. Прежде всего финикійцы заняли островъ Кипръ, а затѣмъ ихъ колоніи распространились по восточному берегу Греціи и Македоніи и по лежащему напротивъ западному берегу Малой Азіи, а также по находящимся между ними островамъ. Но здѣсь ихъ господство было непродолжительно, и финикійскіе мореплаватели направляютъ свои корабли на Западъ и скоро въ Сициліи, въ Италіи, въ Испаніи и Африкѣ появляются многочисленныя колоніи финикійцевъ.

По слѣдамъ финикійцевъ пошли греки, превосходившіе восточные народы во всѣхъ отношеніяхъ. Соединяя въ себѣ высокую творческую геніальность съ

поразительною предпріимчивостью и практичностью, они замѣнили восточную культуру созданіями своего творчества и вытѣснили финикійцевъ, ея проводниковъ, со всѣхъ рынковъ Европы, Азіи и Африки. Уже въ XIII вѣкѣ до Р. Х. финикійскія колоніи въ Сѣверномъ бассейнѣ Средиземнаго моря замѣняются греческими поселеніями, а въ IX вѣкѣ греки проникаютъ на Западъ и постепенно вытѣсняютъ финикійцевъ изъ Италіи, Сициліи, Испаніи и отчасти изъ Африки. Только могущественная колонія города Тира—Карѳагенъ, надолго пережившій свою метрополію, палъ подъ ударами Рима, который одновременно съ этимъ подчинилъ своей власти и Грецію. Но существованіе финикійскихъ колоній не прошло безслѣдно для европейской культуры: древніе эллины, счастливые соперники финикійцевъ, были ихъ учениками. Находясь въ состояніи глубокаго варварства при первой встрѣчѣ съ финикійцами, греки быстро усвоили подходящіе элементы чужеземной культуры и потомъ распространили ихъ среди другихъ народовъ. Чтобы иллюстрировать культурное вліяніе финикійскихъ мореплавателей, достаточно сравнить ихъ азбуку съ другими алфавитами (Рис. 24). По изображенію нѣкоторыхъ знаковъ, какъ, наприм., a, l, k, съ перваго взгляда видно, откуда идетъ наша грамота. Но ученики финикійцевъ были гораздо способнѣе своихъ учителей; заимствовавъ у нихъ элементы культуры, геніальные варвары развили ихъ совершенно самостоятельно: пользуясь финикійскими буквами, они создали великую литературу; покупая грубыя издѣлія финикійскаго ремесла, они превратили ихъ въ величайшія произведенія искусства. Такъ, однимъ изъ весьма распространен-

АЗБУКИ:

финикій-ская.	еврейская.	греческая. архаическая.	греческая. эпохи процвѣтанія.	латинская.
𐤀	א	Α	Α	A
𐤁	ב	ᗺ	Β	B
𐤂	ג	7	Γ	C
𐤃	ד	◁ ᑯ	Δ	D
𐤄	ה	Ǝ	Ε	E
𐤅	ו	Y	Υ	V
𐤆	ז	I	Ζ	Z
𐤇	ח	ΒΗ	Η	H
𐤈	ט	⊕	Φ	»
𐤉	י	≷ I	Ι	I
𐤊	כ	ꓘ	Κ	K
𐤋	ל	V	Λ	L
𐤌	מ	Μ	Μ	M
𐤍	נ	ЍΝ	Ν	N
𐤎	ס	Σ ϟ	Σ	S
𐤏	ע	Ο	Ο	O
𐤐	פ	٢	Γ	P
𐤑	צ	Ч		»
𐤒	ק	Ϙ		Q
𐤓	ר	ᖷ Я	Ρ	R
𐤔	ש	Μ		»
𐤕	ת	Τ	Τ	T

Рис. 24. Алфавиты.

ныхъ предметовъ финикійской торговли былъ грубый идолъ ихъ богини Астарты (Рис. 25). Греки превратили эту свирѣпую богиню въ граціозную Афродиту, одинъ изъ изящнѣйшихъ образовъ

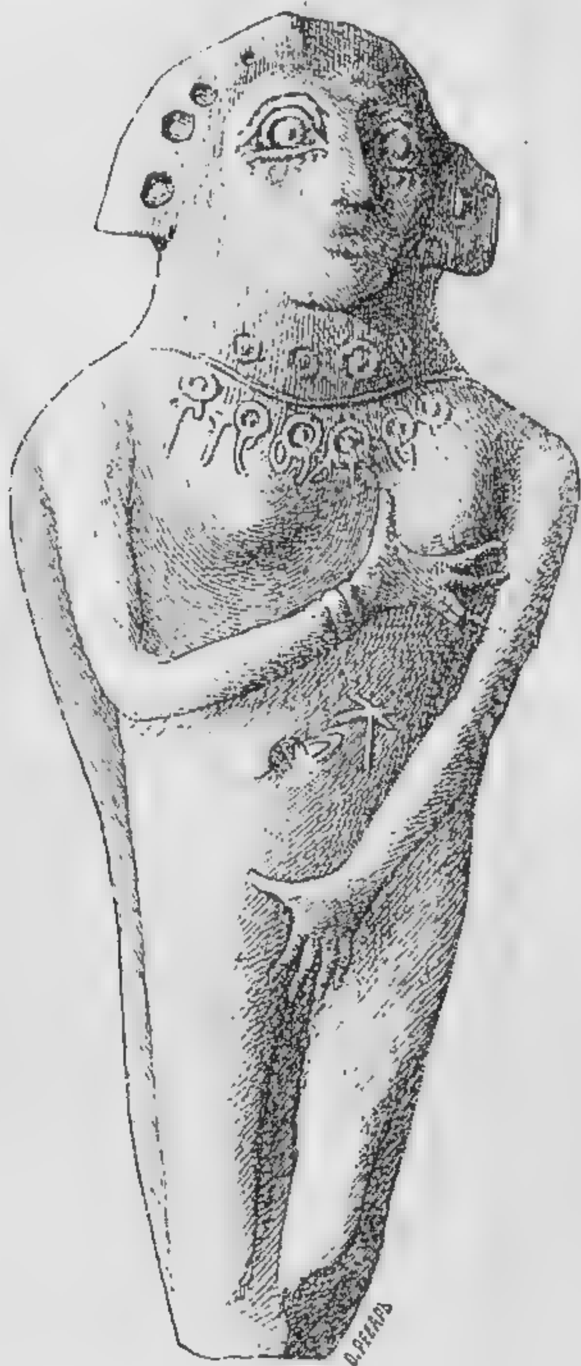

Рис. 25.

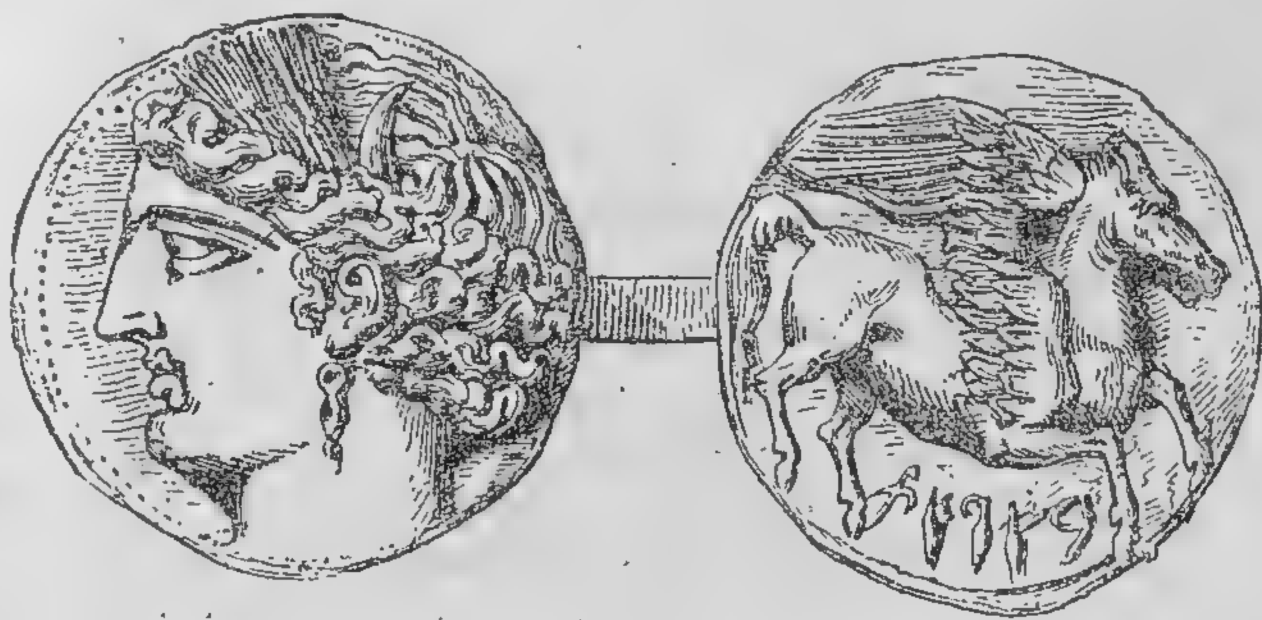

Рис. 26.

эллинской миѳологіи, а изъ финикійскаго идола, не измѣняя его позы, создали Венеру Медицейскую, одно

изъ величайшихъ произведенiй античнаго искусства (Рис. 26).

Итакъ, финикiйскiй купецъ, сливая въ одно цѣлое произведенiя восточной культуры, сближалъ между собою народы Востока, а приспособляя ихъ ко вкусу покупателей и распространяя по всему бассейну Средиземнаго моря, становился посредникомъ между Востокомъ и Западомъ. Финикiйскiе мореплаватели были связующимъ звеномъ между отжившимъ Востокомъ и начинавшимъ жить Западомъ, и въ этомъ заключается ихъ всемiрно-историческое значенiе.

Карѳагенская серебряная монета.

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

0-10.

II-36837р.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Выпуски I и II. Москва, 1892 года. Цѣна 6 руб.

Паденіе античнаго міросозерцанія. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Цѣна 75 к.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи:
Выпускъ I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Москва, 1894 г. Цѣна 50 коп.
Выпускъ II. Средневѣковая церковная готика и ея историческая основа. М. 1895 г. Ц. 30 к.

Цѣна 30 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., д. 2—24).